

Ольга
Егорова

Лекарство
от любви —
любовь

«Лекарство от любви
может быть
только — любовь.
Новая любовь».

Ольга Егорова

Лекарство от любви – любовь

«Амиргамзаева Ольга»

2006

Егорова О.

Лекарство от любви – любовь / О. Егорова — «Амиргамзаева Ольга», 2006

ISBN 5-17-034850-9

Красавица Варя, пережившая кошмар брака с жестоким, властным человеком, решила начать все сначала – и уехала после развода в родной провинциальный город. Она надеялась обрести там «тихую пристань»... а вместо этого встретила новую любовь. Однако почему Варин избранник, явно к ней неравнодушный, упрямо сводит их отношения к чисто дружеским? Примет ли он чувства Вари? Поймет ли, что любовь – неоценимый дар самой судьбы и не принять его – попросту нельзя.

ISBN 5-17-034850-9

© Егорова О., 2006

© Амиргамзаева Ольга, 2006

Ольга Егорова

Лекарство от любви – любовь

Этот сон преследовал его уже несколько лет.

Жизнь словно разделилась на две половинки. День, наполненный до краев делами и заботами, и ночь – темная чаша, переполненная горьким вином. В последнее время сон стал повторяться слишком часто. Он даже начал всерьез задумываться о том, какая из этих двух половинок его жизни настоящая. Попытка ответить на этот вопрос еще ни разу не увенчалась успехом. Потому что днем, несмотря на нескончаемые дела и заботы, он все равно не мог избавиться от ощущения реальности сна. Особенно в те редкие минуты, когда оставался в своем кабинете один. В полной тишине, наедине со своими мыслями. Тогда уже ничто не могло спасти от ощущения призрачности окружающего мира. Он чувствовал себя здесь, как случайный гость. Стены, жалюзи на окнах, стол, старенький монитор с пожелтевшим экраном... Как декорации, расставленные в строгом порядке на театральной сцене. Декорации, призванные убедить не только зрителей, но и самих актеров в том, что все происходящие события – настоящие.

И даже солнце за окном – яркое, свежее весеннее солнце – казалось лишь мастерски сработанным сияющим желтым шаром, подвешенным на невидимой нити к потолку Вселенной. В существование солнца верилось почему-то меньше всего.

Телефонный звонок или стук в дверь обрывал мысленную цепочку. Он снова погружался в реальность, переставал обращать внимание на солнце и задумываться о природе его происхождения. Проблемы, которые постоянно приходилось решать, возвращали уверенность в несомненной подлинности жизни. Но только на время.

Желтый шар медленно катился по голубому полю, опускаясь к реке. Становился оранжевым, красным, багровым. Плескался в ледяных брызгах, растапливая последние хрупкие осколки весеннего льда на ожившей реке. Разливался вдоль полосы горизонта розовой сахарной глазурью и тихо таял, уже не оставляя сомнений в том, что его и не было никогда. Наступала ночь, и чернота неба, усыпанного мелкой сеткой серебряных звезд, окончательно стирала в памяти сверкающую желтизну прошедшего дня.

Граница между днем и ночью, между сном и реальностью стала теперь для него настолько зыбкой, что он уже перестал бояться заснуть. Хотя раньше, еще несколько лет назад, этот страх просто сводил его с ума.

Что ж, рано или поздно приходится мириться с тем, что изменить невозможно.

Обычно сон приходил под утро. Он словно ждал своего назначенного часа, робко притаившись на самом дне шкапулки, в которой хранятся человеческие сны. Но когда приходило его время, он вступал в свои права, как полновластный хозяин. Вмещал в себя прошлое, будущее и настоящее, заполнял собой каждую клеточку души и уже не оставлял шансов на то, чтобы можно было усомниться в его реальности.

Нет, конечно же, это не сон. Потому что снов таких – не бывает.

Слишком отчетливо в этом сне виден был каждый листок на дереве. Каждая прожилка на этом листке, и даже потоки влаги, струящиеся в этих прожилках, можно было различить сквозь прозрачно хрустальную зелень. Зеленый цвет листьев был по-весеннему новым, завораживающим. Сон, как красиво сделанный фильм, почему-то всегда начинался с этой зеленой заставки.

Вверх от теплой земли поднималось облако ни с чем не сравнимого запаха весны. Клейкие ароматы лопающихся под натиском зарождающейся жизни почек, теплое благоухание влажной, разомлевшей под теплыми лучами проснувшегося солнца земли, и еще сотни тонких, едва уловимых нот пронзительной весенней сонаты. Воспоминание об отзвуках волшебной мартовской капли витало в воздухе, аккомпанируя беззаботному и радостному чириканью

городских воробьев на сером асфальте. И даже этот серый цвет казался каким-то весенним, выпадая из своей привычной, традиционной гаммы, вполне удачно вписываясь в палитру голубого, оранжевого и зеленого.

Сон начинался звуками и ароматами весны. Но это было начало. Режиссер этого снафильма, по всей видимости, относился к числу авангардистов. Это было интеллектуальное кино. Кино не для всех. Весна и чирикание взъерошенных птишек внезапно отодвигалось на второй план, становилось всего лишь фоном. Продолжение сна явно диссонировало с его началом.

Теперь он уже всматривался в черты лица молодого парня, который неторопливой походкой шел вдоль тротуара, шурясь от солнца. Солнце проникало и раздражало глаза даже сквозь очки. Собственно, иначе и быть не могло, ведь цвет стекол был розовым, а не классическим черным или коричневым. В то время очки с цветными стеклами были очень модными, а парню этому на вид было не больше двадцати. Именно тот возраст, когда соответствовать моде кажется исключительно важным. Спортивная сумка через плечо, широкие льняные брюки и ярко-оранжевая футболка навыпуск – ни капли солидности, присущей мужчине более зрелого возраста. Волосы до плеч собраны сзади резинкой, одна самовольная прядь, оказавшаяся на свободе, пляшет под звуки весеннего ветра, изредка падая на лицо и закрывая обзор. Парень сдвигает ее, чтобы не мешала, выдвигая слегка вперед нижнюю челюсть или заправляя за ухо пальцами. Ветер снова подхватывает ее, ненадолго позволяя снова сосредоточиться на музыке.

Он поправляет наушники в ушах, окидывает взглядом розовые улицы и идет дальше, тихонько подпевая Борису Гребенщикову.

«Десять стрел на десяти ветрах. Лук, сплетенный из ветвей и трав...»

Кажется, этот парень ему знаком. И розовые очки, и наушники в ушах, и сутулость плеч, характерная для многих людей высокого роста, и походка, и движения рук при ходьбе. Но самое главное – музыка. Эту музыку он точно где-то слышал раньше.

Парень снимает очки, и глаза у него оказываются тоже знакомыми – серыми и глубокими, взгляд немного девичий, растерянный какой-то. Наверное, раньше они встречались. Только вот где? Во сне почему-то он так ни разу и не смог этого вспомнить.

«Он придет издалека, меч дождя в его руках... Белый волк ведет его сквозь лес, белый гриф следит за ним с небес...»

Голос в наушниках потрескивает, низкие частоты явно преобладают, перенасыщая композицию «бухающими» звуками, искажая мелодичность басов. Он тоскливо вздыхает, сожалея о том, что так скоро сможет оказаться дома, включить музыкальный центр и насладиться качественным звуком. Четыре пары в институте закончатся около трех. Потом еще целый час добираться до дома.

До недавних пор музыка была главным в его жизни. Но чего-то не хватало, и только потом, когда появилась Лиля, все встало на свои места. Теперь они слушают музыку вдвоем. А больше в жизни, кажется, ничего и не нужно.

Внезапно он останавливается посреди дороги. Неподалеку, возле входа в городской парк, он видит толпу детей. Все дети маленькие, а вокруг них, пытаясь собрать в кучу и разделить по парам, суетятся озабоченные воспитательницы. Он останавливается просто потому, что эта песня Гребенщикова была на кассете последней, и теперь нужно открыть крышку плеера, чтобы перевернуть кассету. Поменять сторону «А» на сторону «Б». В то время ведь еще не было СИ-ДИ плееров, а «эм-пэ три» вообще, кажется, не придумали.

Крышка плеера выпрыгивает наверх. Кончиками пальцев он приподнимает кассету и аккуратно переворачивает ее на другую сторону. Закрывает крышку, нажимает на кнопку «play». Тихое потрескивание пустой магнитофонной ленты сменяется звуками скрипки. Он делает шаг вперед и вдруг замечает, как от толпы детей отделяется фигурка маленького мальчишки.

Этот мальчишка, раскинув руки, бежит ему навстречу и что-то кричит. В наушниках уже зазвучала бас-гитара, уже пошел мелодичный речитатив знакомого голоса, поэтому он не смог различить ни слова. Но все же остановился, изумленный странным порывом чувств этого незнакомого ребенка.

На вид мальчишке было не больше трех лет. Впрочем, тогда он совсем не разбирался в этом – ему могло быть и два, и четыре. Симметричные ссадины на обеих коленках, выступающие ключицы и пятна зеленки на худых плечах делали ребенка одновременно и забавным, и немного несчастным.

Не слишком большое расстояние их разделяло. Парень еще не успел сообразить, что к чему, а прыткий мальчишка уже подлетел к нему, подпрыгнул и совершенно неожиданно повис у него на шее. Как это получилось, неизвестно – видимо, повинуясь какому-то внутреннему сигналу, он все же наклонился слегка, иначе бы не получилось у пацана так лихо запрыгнуть на шею почти двухметровому дядьке. Мальчишка обхватил его крепко, так, что даже дышать трудно стало. Потянув за провод, он освободился от наушников и услышал вдруг совершеннейшую нелепость:

– Папа! Папочка!

Слегка смутившись от подобных обвинений в свой адрес, он попытался отодрать мальчишку от себя. Чтобы хоть посмотреть на него – в самом деле, мало ли приключений в ранней юности было! Но тот впился, как перепуганный котенок, почти намертво, и все продолжал твердить, теперь уже шепотом, в самое ухо:

– Папочка, папочка...

Папочка – и все тут. Он попытался взять себя в руки, успокоиться:

– Эй, ребенок, ты ведь так задушишь меня. Ну, отпусти, я же никуда не убегу от тебя, слышишь?

«И вообще, давай разберемся, – продолжил он уже мысленно. – Тебе сколько лет? Три? Четыре? А мне двадцать! Подумай сам, это же невозможно. Ребенка же еще девять месяцев вынашивать надо. Соответственно... Соответственно, быть такого не может. Однозначно – не может! Даже если тебе не четыре, а три. Я-то знаю...»

Но вслух ничего такого не сказал. Только добавил, тихо и даже ласково:

– Ну, ребенок, будь человеком. Отпусти меня, пожалуйста. Мне же больно.

К ним уже бежала, колыхаясь, полнотелая дама-воспитательница. Издалека было заметно, что лицо ее перекосилось гримасой злобы. Он вдруг понял, что сейчас тетка станет орать на непослушного своего воспитанника, который ведет себя столь неподобающим образом. Отбилась от «стада», пугает прохожих... И правда ведь, заслужил хорошего пинка этот ребенок.

Только почему-то стало жалко его. Повинуясь внезапно нахлынувшему чувству, он вдруг прижал его к себе, сомкнул руки вокруг худой спины, почувствовав каждый хрупкий позвонок и мягкие, едва прикрытые кожей, ребра. И снова вырвалось, само собой:

– Что ж ты такой худой, а? Не кормит тебя, что ли, мама твоя?

А тот снова прошептал в ответ:

– Папочка...

Словно заевшая пластинка.

Парень вздохнул, как будто примирившись с фактом существования в своей жизни сына. Может, и правда, дети появляются именно таким образом, а вся физиология, которую они в

школе еще изучали – просто выдумка ученых? Просто падают откуда-то с неба, повиснув у тебя на шее – и все, ты уже отец. Кто знает... Вот еще минуту назад не было у него сына, а теперь вдруг – бац, появился. Что ж, пусть... Все же это не навсегда, на время. Вот сейчас подлетит к ним разъяренная тетка, надает ребенку по попе, чтоб неповадно было к прохожим приставать, и утащит его с собой на крепком поводке. А он пойдет себе своей дорогой – в институт, на занятие по методике преподавания литературы. И правда, если уж ребенку так хочется, пусть называет его папочкой. Мало ли, у кого какие заскоки в детском возрасте случаются. А то, что музыку пришлось оборвать, так это не страшно, все равно ведь качество звука не давало насладиться в полной мере... Нет, наверное, напрасно эта тетка так разозлилась. Все-таки ребенок, скидки на детский возраст быть должны.

– Ах ты, дрянь! – завизжала она тонким, абсолютно не соответствующим ее комплекции, голосом. – Дрянь какая, а? Я же сказала – строимся по парам и идем... Господи, боже мой, дай мне силы с этими ублюдками...

– Вы, мадам, господа бога-то сюда не приплетайте, – опешил парень от такого кощунственного соседства в ее фразе двух несопоставимых вещей. – Для него, для господа бога, понятия «ублюдок» как такового, не существует...

Она даже и не услышала, что он там говорит. Или сделала вид, что не услышала. По крайней мере, все это не имело для тетки абсолютно никакого значения.

Она вцепилась ребенку в плечи и потянула его на себя:

– Иди сюда, я сказала!

Ребенок проявил неожиданную покорность. Словно этот истеричный визгливый голос имел над ним какую-то тайную власть. Как волшебная флейта из сказки заставляла смеяться или плакать тех, кто совершенно этого не хотел.

Почему-то вспомнилась эта детская сказка. Хотя столько лет прошло уже с тех пор, когда он сказки читал. Но сравнение показалось все же неудачным. Нет, никак не походил этот истошный вопль на мелодию флейты. Скорее на пожарную сирену.

– Вот так-то! – она размахнулась и со всей силы залепила ребенку по заднице. Потом подняла глаза, хлопнула густо накрашенными, редкими и какими-то деревянными, ресницами, и изобразила на лице подобие извиняющейся улыбки:

– Простите, молодой человек, пожалуйста. Они у нас все такие дикие, что с них взять. А этот – так особенно. Ему вчера одна добренькая тетя-воспитательница сказала, что скоро за ним папа придет и заберет его. Вот он теперь и кидается на прохожих... Ну разве можно такие вещи детям говорить? Родные родители от них отказались, а чужим они разве нужны?

– Так вы, значит... – теперь до него дошло, в чем дело.

– Да-да, – оборвала она его и, повернувшись к мальчишке, строго сказала: – Чтобы больше такого не было, понял? Этот дядя к тебе не имеет никакого отношения, он не твой папа. Твой папа тебя бросил, он от тебя отказался, и никого, кроме воспитателей, у тебя нет. Так что ты должен нас слушаться...

Глаза мальчишки потухли, словно налетевший порыв ветра загасил едва тлеющий огонек костра. Ужасно жалко стало его, и слишком жестокими показались слова тетки-воспитательницы. Несмотря на то, что она, наверное, правду говорила. Ресницы у ребенка дрогнули, он опустил глаза и принялся хныкать.

– Замолчи сейчас же, – приказала ему воспитательница. – Заткнись!

– Да что вы такое себе позволяете? – возмутился парень и даже протянул руку к ребенку. Захотелось погладить его по голове, вытереть слезы. А что еще он мог сделать для него?

Но тетка, словно предугадав его намерения, торопливо забормотала:

– Не нужно, молодой человек. Не нужно его успокаивать. Вот вы сейчас его по головке погладите и пойдете своей дорогой. А он потом целый месяц тосковать будет и спрашивать,

когда к нему тот добрый дядя придет. И интересоваться – может быть, он и в самом деле его папа? И что я ему отвечу?

Парень промолчал, а тетка, выдержав надлежащую паузу, завершила свою речь:

– В том-то и дело, что ответить ему будет нечего. Ох уж, эта ваша доброта, эта жалость на расстоянии... Все вокруг такие добренькие! Только как до дела доходит, каждый тысячу причин найдет, чтобы откреститься... Пойдем! – она дернула мальчишку за руку, и тот послушно засеменил вслед за ней, безуспешно пытаясь подстроиться под ритм широких и быстрых шагов.

Парень стоял, молча глядя им вслед, и нервно теребил пальцами провод от наушников. Отойдя на несколько шагов, мальчишка вдруг обернулся и посмотрел на него.

– Эй, ребенок... – начал было он, только не знал, что нужно сказать дальше. Просто попрощаться было бы глупо. – Ребенок, скажи... Зовут-то тебя как?

– Пашка, – всхлипнув, тихо ответил тот, и отвернулся.

– Ну, прощай значит, Пашка...

Через минуту он уже смешался с толпой детей, и вскоре все они скрылись за воротами парка. Гомон детских голосов и окрики воспитателей стихли, растворившись в уличном шуме. Словно и не было ничего.

А парень так и стоял, безуспешно пытаясь справиться со странным, незнакомым ему прежде чувством беспомощности перед неотвратимой жестокостью окружающего мира.

Несмотря на то, что ему отчаянно хотелось проснуться, сон все продолжался. Правда, теперь, во второй своей части, он был уже лишен той целостности и последовательности в отражении событий.

В этом сне он всегда видел Лилю. Ее синие глаза и пшеничные волосы, струящиеся у него между пальцев. Он так любил перебирать эти волосы, подносить густые пряди к лицу и вдыхать их запах. Запах диких луговых трав и цветов. Он часто говорил ей о том, что волосы ее пахнут цветами, а она, смеявшись, отвечала, что это просто шампунь. И даже иногда показывала ему бледно-зеленый пузырек, водила тонким пальцем по написанным строчкам, сквозь смех повторяя: «Экстракт ромашки... экстракт шалфея... масло чайного дерева...» А под конец добавляла совершенно непонятное, диловинное какое-то слово «октопирокос». Ему нравился ее смех. Взгляд послушно скользил по строчкам, выискивая на этикетке всю «прозу жизни»: «восстанавливает жизнеспособность волосяных фолликулов, стимулирует микроциркуляцию...»

Но для него это было не важно. Он-то знал, что шампунь здесь ни при чем. Что эти волосы цвета пшеницы сами по себе пахнут дикими цветами и травами, и загадочный «октопирокос» не имеет к этому аромату никакого отношения.

Даже теперь, спустя столько лет, во сне он чувствовал этот волшебный запах. Но теперь он казался предвестием беды, и глупое сердце сжималось в тоскливом предчувствии. Глупое сердце. Ведь сколько раз он уже видел этот сон? Сто, а может быть, тысячу? Пора бы уже привыкнуть к тому, что «хэппи энда» не будет в этой истории. Все закончится так, что хуже не бывает... Пора привыкнуть и перестать выскакивать из груди, протестуя против давно утвержденного, неизменного сценария. Так нет ведь...

Он видел Лилю, слышал ее смех, вдыхал запах ее волос. Чаще всего в своем сне он видел ее у воды, в парке. Солнце купалось в мутной голубизне пруда, бликуя золотыми пятнами. Играло с Лилиными волосами, делая их совсем золотыми. «Если б я умел это, я нарисовал бы тебя там, где зеленые деревья и золото на голубом...»

Рядом с ней, непременно держа за руку, стоял тот самый парень. В ярко-оранжевой футболке навывпуск, со спортивной сумкой через плечо и очках с розовыми стеклами. Широкие джинсы, в одном ухе – наушник, а другой наушник у Лилки. Они всегда слушали одну музыку на двоих, часто ходили по улицам «на поводке», вызывая по-доброму завистливые взгляды у

пожилых людей и насмешливые – у молодежи. Но насмешки не задевали. Потому что для них было важно слушать одну музыку на двоих.

Потом музыка обрывалась. «Я думаю, – слышал он Лилькин голос, – что нам нужно пойти познакомиться с этим Пашкой. Если он тебе так понравился...» «Да не то что понравился, – смущенно бормотал в ответ парень в оранжевой футболке. – Просто жалко его стало... Прикольный ребенок, знаешь...»

У Лильки было доброе сердце. Оно готово было вместить в себя весь мир, прийти на помощь каждому, кому только эта помощь только требуется. Абсолютно безвозмездно...

«Да-да, – соглашалась Лилька. – Но я же вижу, ты целыми днями только об этом и думаешь. Только ведь я не против, нужно просто узнать, как это все оформляется...» «Что – оформляется?!» «Ну, усыновление... Так, кажется, это называется? Мы могли бы усыновить этого ребенка. Только для этого, я думаю, нам сперва нужно будет пожениться... – сосредоточенно и всерьез рассуждала она. – Ой, я, кажется, тебе предложение сделала... Ну, думаю, ты мне не откажешь?» «Чокнутая, – он отворачивался, почти обидевшись. – Разве так бывает? Это же не котенок и не щенок. Ребенок, все-таки...» «Тем более, – ничуть не смутившись, отвечала она. – Ты уходишь от ответа на мой вопрос...» «На какой вопрос?» «Кажется, я только что сделала тебе предложение...»

Он окунался в запах ее волос, и все становилось на свои места. Черт возьми, я усыновлю столько детей, сколько ты пожелаешь. Я сделаю все, чтобы только ты была рядом. И этот мальчишка – он не плохой, в самом деле, нормальный ребенок. Жалко его, конечно. И как ты могла подумать, что я не приму твое предложение...

Все эти мысли вихрем кружились в голове. «Он вырастет, и мы вместе будем слушать музыку». Лилька смеялась в ответ: «Таких наушников не бывает. Где ты видел человека с тремя ушами?» «А мы сами сконструируем наушники. И будем ходить на поводке втроем – я, ты и ребенок этот...» «Ты все время его ребенком называешь. У него ведь имя есть, Пашка...»

Пашка, и правда, оказался замечательным ребенком. Лилька влюбилась в него с первого взгляда, и он впервые столкнулся с неизведанным ранее чувством ревности. Но оно очень быстро прошло – сразу же, как только он понял, что и сам влюбился в этого Пашку без оглядки. Правда, по-прежнему продолжал называть его Ребенком. Уж так повелось с первой их встречи...

Их стало трое. Пашку они в свои планы не посвящали, опасаясь, что в последний момент что-нибудь может не получиться. Но в детский дом приходили каждый день, иногда под расписку даже забирали ребенка и гуляли втроем в парке. Один приятель, помешанный на радиотехнике, сконструировал-таки для них тройные наушники, и теперь они слушали музыку втроем. Правда, бессменный Гребенчиков временно исчез, теперь в плеере крутилась кассета с песнями про медвежонка Умку и мамонтенка, который ищет маму. Лилькины глаза почему-то блестели от слез, когда она слушала эту песню.

Во сне до него доносились лишь отзвуки. Слов он уже не помнил. Наверное, память сжалась над ним. Она просто констатировала факты, не пытаясь при этом казаться сентиментальной...

Странная вещь – память. Человек часто забывает некоторые важные, значительные вещи. А вот мелкие детали память порой хранит с таким трепетом, словно именно в них, в этих мелочах, и есть суть жизни, которую человеку рано или поздно все-таки предстоит постигнуть. Можно подумать, что разноцветные крылья бабочки, которая однажды во время их совместной прогулки села Пашке на голову, заблудившись в его волосах, были исключительно важны! Столько лет прошло, а он помнил каждый перелив многоцветного перламутра этих крыльев, каждый их взмах. Помнил так же отчетливо, как изгиб шеи белого лебедя, медленно скользящего вдоль кромки воды. Как нервную дрожь хвоста белки, скрывшейся в густой листве.

Он помнил еще тысячу мелочей, из которых складывалась день за днем его жизнь. А вот того, что была у него когда-то длинная оранжевая футболка, и были очки с розовыми стеклами, вспомнить не мог. И оттого никак не мог понять, что же может так тесно связывать его с этим парнем из сна. Не догадывался, что парень этот и есть он сам, просто на десять лет моложе.

Только, может быть, память просто сжалась над ним? Ведь все же легче сочувствовать чужому горю, чем переживать свое собственное. Иллюзия того, что горе это тебя не коснулось, и есть щедрая расплата памяти за ее небрежность. Но все же, излишняя щепетильность тоже была ей, памяти, не свойственна. Иначе как объяснить то, что он помнил все то, чего даже не видел своими глазами?

Ведь он не видел, как умерла Лиля. Его не было рядом в тот момент, когда она сидела в такси, то и дело тревожно поглядывая на циферблат наручных часов. В тот момент, когда из-за поворота выскользнула лихая «девятка» и столкнулась лоб в лоб с желтой в черно-белых пашаках «Волгой». Он не слышал душераздирающего скрипа тормозов, не слышал, как в последнюю секунду перед смертью выругался отборнейшим матом водитель такси, напоследок пожелав пьяному водителю «девятки» гореть в аду синем пламенем. Что толку? Водитель «девятки» отделался легкими травмами, а таксист, судорожно сжав руль, отправился на суд божий с последним матерным словом, которое замерло и не успело слететь с губ. Сквернословие – грех, и неизвестно еще, посчитают ли высшие судьи обстоятельства его гибели смягчающими вину.

Всего этого он не видел. Он узнал о том, что случилось, только поздно вечером, когда позвонила ему Лилькина старшая сестра. Узнал, но не поверил, несмотря на то, что та рыдала в трубку, и рыдания эти казались настоящими, искренними. Не поверил даже и тогда, когда похоронили Лильку в белоснежном платье невесты. В том самом, которое она к свадьбе покупала. Так и не успели они пожениться.

А вот во сне он каждый раз видел эту аварию. Как будто и правда стоял рядом на перекрестке. И скрип тормозов слышал. И как Лилька кричала, слышал тоже...

Но на этом сон не обрывался. Хотя он, уже зная, что это сон, изо всех сил пытался проснуться. Ничего не получалось. словно кара господня настигла его – он должен был досмотреть сон до конца. Таковы были правила игры. Непонятной и странной игры, в которую судьба втянула его против воли.

И снова он, в который раз уже, смотрел на то, как она умирает. И ничем не мог ей помочь. Обездвиженный, стоял на перекрестке и даже не мог вскрикнуть, позвать на помощь. И это было, пожалуй, самое страшное в этом сне. Казалось, сознание вот-вот должно уже не выдержать этой пытки, сон должен оборваться, как это часто случается в подобных случаях.

Но у сна было продолжение. И он знал, что сможет проснуться только тогда, когда досмотрит свой сон до конца. Ни минутой, ни секундой раньше.

Однако в этот раз все непостижимым образом изменилось. Впервые сон оборвался раньше положенного времени. Оборвался неожиданно и странно.

Герман открыл глаза. Кто-то стоял рядом и тряс его за плечо. Освещение в купе поезда было скудным, поэтому в темноте он сразу не мог рассмотреть человека, который находился сейчас рядом с ним и спасал его, сам того не ведая, от самого жуткого кошмара в его жизни.

Вот ведь, как бывает. Стук колес и мелькание телеграфных столбов за окном окончательно вернули его к действительности. Это был сон. Всего лишь сон, и теперь этот сон кончился. На самом деле в жизни ничто не повторяется. Не может каждую ночь снова и снова умирать любимая девушка. Потому что она уже умерла однажды. Однажды – и навсегда. И он уже пережил это горе. Сумел пережить, хотя тогда, в тот момент, ему казалось, что человек просто не в силах вынести такое.

Наверное, судьба захотела испытать его на прочность, если каждую ночь снова и снова заставляет его проходить эти круги ада.

«Что ж, пожалуйста. Если тебе так угодно – испытывай. Только я не сдамся, ты уж не надейся», – хмуро сказал он судьбе и снова перевел взгляд на своего спасителя.

И очень удивился, увидев перед собой мальчишку лет десяти-одиннадцати. «Так вот ты какой, мой ангел-хранитель», – подумал Герман, пристально вглядываясь в его черты. Но разглядеть лицо в темноте все же было трудно.

– Вы так кричали. Я подумал, что вам снится страшный сон, и разбудил вас. Дверь в купе была открыта...

Голос у него был извиняющимся. Наверное, решил, что злой дядька сейчас станет орать на него и возмущаться, не веря в то, что дверь и правда была открыта.

– И правильно сделал, – заверил его Герман. – Когда человеку снится страшный сон, его обязательно разбудить нужно. Ведь он не понимает, что это сон, и думает, что все, что происходит с ним, происходит по-настоящему. На самом деле, понимаешь?

– Понимаю, – вздохнул ангел-хранитель и добавил уже бодрее: – Да и вообще, вставать уже пора. Половина седьмого, через два часа в Саратове будем. Вы ведь в Саратов едете?

– В Саратов, – подтвердил Герман.

– И мы с мамой тоже – в Саратов. А вам часто плохие сны снятся?

«Всегда» – чуть не сорвалось с губ, но он вовремя остановился, сообразив – едва ли стоит загружать этого незнакомого ребенка своими проблемами. Детей вообще нельзя загружать проблемами. Жизнь у них должна быть – чистая и светлая. Ведь рано или поздно детство закончится, и придет взрослая жизнь со всеми «вытекающими последствиями». Потому что без «последствий» ее, этой чертовой взрослой жизни, просто не бывает. На то она и жизнь...

Он улыбнулся и ответил, что плохие сны ему снятся не слишком часто.

– А мне когда снится плохой сон, я просыпаюсь и бегу к маме с папой. Ложусь между ними посередине и снова засыпаю.

Голос едва заметно дрогнул. Герману этого было достаточно для того, чтобы понять – что-то не так у этого паренька с папой и мамой. За долгие годы работы с детьми он научился уже многое чувствовать и понимать по одной только интонации, с которой ребенок произносил слова. По глазам, опущенным вниз. По дрогнувшим ресницам.

Правда, и глаза, и ресницы его неожиданного собеседника в темноте вагона по-прежнему оставались неразличимы.

– Мо-ро-же-ное, – послышался протяжный голос в дальнем конце вагона. – Сли-вочное, плю-о-мбир, шо-ко-лад-ное-е...

– Послушай, – сказал Герман. – Я тебя совсем не вижу. Давай, что ли, выйдем в коридор, на свет. Я тебе мороженое куплю, хочешь?

Мальчишка молчал. В душе его, видимо, боролись два чувства. С одной стороны, хотелось мороженого. С другой стороны, сказывалось воспитание. В его возрасте любой приличный ребенок знал о том, что принимать подарки от незнакомых людей некрасиво.

– Ну, все-таки, я твой должник, – сказал Герман серьезно и поднялся с постели. – Ты спас меня от страшного сна. И теперь я просто обязан купить тебе мороженое. Иначе я буду чувствовать себя неловко. Ты какое мороженое любишь? Сливочное или шоколадное?

– Шоколадное, – тут же сдался мальчишка и выскочил из купе в коридор. Герман, порывшись в карманах брюк, вышел вслед за ним. В коридоре, и правда, было гораздо светлее. Пожилая торговка мороженым с огромной коробкой-холодильником в руках медленно шла по вагону и распевала свою незамысловатую песню:

– Шо-ко-о-ладное... Клу-у-бничное...

Вверх от коробки поднимался густой пар, и руки у женщины были красными от холода. Однако желающих купить в такой час мороженое в вагоне практически не оказалось. Большинство пассажиров еще спали, а все жаворонки, поднявшиеся ни свет ни заря, уже выстроились в традиционную очередь в дальнем конце вагона.

– Значит, шоколадное? – уточнил Герман, доставая из кармана брюк смятые десятирублевые купюры.

Мальчишка обернулся. Он наконец увидел лицо своего спасителя и внезапно почувствовал, что сон его продолжается. В это невозможно было поверить – и тем не менее, это было так.

Это ребенок был, как две капли воды, похож на Пашку. На повзрослевшего Пашку.

– Дяденька, что с вами? Вам плохо?

Мальчишка, обернувшись, заметил, как побледнело лицо его попутчика. И деньги почему-то из рук выпали, посыпались на пол...

Он принялся их собирать, время от времени поднимая глаза и бросая тревожные взгляды на мужчину, у которого, видимо, стало плохо с сердцем. Или еще какая-нибудь неожиданная взрослая беда с ним приключилась...

– Со мной все в порядке, – проговорил Герман изменившимся голосом. Не отрываясь, он снова и снова вглядывался в черты лица парнишки. Нет, наверное, все же поторопился он заверить свою судьбу в собственной непоколебимости. Напрасно решил вступить с ней в схватку. Слишком сильный противник ему достался, слишком непредсказуемый. Эти бои без правил, кажется, еще никогда и никто не выигрывал.

«Ведь ты же мужчина», – напомнил он себе. Те же самые слова когда-то давно он говорил Пашке, когда тот начинал хныкать, больно ударившись коленкой об асфальт. И добавлял: «А мужчина должен быть сильным». И Пашка всегда успокаивался.

Вот только сейчас, когда Пашкиными глазами на него смотрел совершенно другой мальчишка, когда глаза этого мальчишки были настолько Пашкиными, до такой степени – Пашкиными...

– Все в порядке, – повторил он почти спокойно. В самом деле, ведь сколько двойников ходит по свету, и что удивительного в том, что этот мальчишка тоже оказался чьим-то двойником?

«Не чьим-то, – язвительно усмехнувшись, подсказал внутренний голос. – Не чьим-то, а Пашкиным. И повстречался он не кому-нибудь, а тебе...»

Ох уж, эта судьба с ее таинственными знаками! В каждой строчке – только точки, как в песне. И догадывайся, ломай голову, что все это значит. Не догадаешься – твои проблемы.

«Только ведь этого не может быть, – возразил он не в тему своему внутреннему голосу. – Не может быть, потому что Пашка...»

– Шоколадное? Пломбир? – торговка мороженым нарушила ход его размышлений, подойдя почти вплотную и уже протягивая покрасневшие руки к стаканчикам.

«Шоколадное», – вспомнил Герман с большим трудом. Как будто не минуту назад, а давно, в прошлой еще жизни, узнал о вкусовых пристрастиях своего попутчика.

– Шоколадное, – робко озвучил мальчишка. Теперь голос у него был не уверенный – видимо, он снова усомнился в правильности своего поступка. Все-таки, наверное, не стоило соглашаться, чтобы незнакомый дяденька мороженное ему покупал.

– Два, – подбодрил его Герман, отмечая про себя, что голос у парня не Пашкин. И одновременно запрещая себе думать об этом, запрещая сравнивать эти два голоса. Сравнивать возраст – теоретический возраст Пашки, который десять лет тому назад выпал из окна спальни в детском доме и разбился, и реальный возраст этого мальчишки с Пашкиными глазами. Живого мальчишки.

Возраст, кажется, совпадал. То есть, если бы Пашка живой остался, то примерно столько же лет, сколько и этому пареньку, ему бы было сейчас.

«А если...» – вдруг подумал он, и сразу же запретил себе думать дальше. Никаких «если» быть не может. Смерть неумолима так же, как жизнь. Она не может, спустя десять лет, передумать. Взять – и изменить свое решение, только потому, что какой-то там Герман Самойлов очень сильно этого захотел. Не может...

Изо всех сил продолжая сопротивляться этому наваждению, он даже изобразил на лице подобие улыбки. Только улыбка получилась ненастоящей. Как искусственный цветок, как заменитель сахара...

– Я столько не съем, – возразил мальчишка.

– Двадцать шесть рублей, – торопливо вклинилась в их разговор бойкая торговка. Глаза у нее были грустными и уставшими. Герман протянул ей три смятых купюры и, пробормотав: «Сдачи не надо», пропустил женщину вперед. Та благодарно кивнула и пошла вдоль вагона, снова затянув свою однообразную песню.

– Я не съем два мороженных, – напомнил мальчишка. Он растеряно сжимал в руках два вафельных стаканчика. Один стаканчик в правой руке, другой – в левой.

«Овал лица все же немного другой формы, – отметил про себя Герман. – Но вот глаза...»

– Брось, это тебе только кажется. На самом деле, два мороженных съесть можно запросто. Если ты, конечно, любишь мороженое.

– Люблю, – подтвердил мальчишка, вздохнул и поведал: – Только меня мама поругает. Она боится, что у меня снова ангина начнется.

– Значит, второе мороженое отдай маме, – предложил Герман. – Твоя мама любит мороженое?

– Она... Она в последнее время ничего не любит, – горестно вздохнул мальчишка.

Герман промолчал в ответ. Да, жизнь такая штука. У каждого свои проблемы.

Впрочем, тут же оборвал он ход своих мыслей, вполне возможно, что эта незнакомая женщина, которой посчастливилось стать матерью мальчишки с Пашкиными глазами, просто ждет ребенка. И дело совсем не в количестве несчастий, свалившихся на нее, а в элементарном токсикозе. Может быть, она вполне счастлива и довольна своей судьбой...

Мысленно он пожелал ей, этой незнакомой женщине, чтобы так оно и было. И, внезапно снова столкнувшись с глазами мальчишки, вдруг понял, что слишком долго молчит.

– Ну, я пойду к маме?

Мальчишка уже откусил огромный кусок мороженого и говорил с набитым ртом. И выглядел он абсолютно беззаботным. Как и полагается выглядеть человеку в его возрасте.

«Вот и хорошо», – подумал Герман, а вслух сказал:

– Конечно, иди. И спасибо тебе за то, что разбудил.

– А вам за мороженое спасибо.

Мальчишка отошел на пару шагов и осторожно отодвинул дверцу купе. Приподнялся на носочки, обернулся и тихо пояснил:

– Мама спит.

– Понятно, – так же тихо ответил Герман.

И только в тот момент, когда дверца купе уже почти затворилась, он вдруг понял, что забыл спросить самое главное. От волнения даже голос дрогнул и прозвучал слишком громко, слишком резко. Как будто не его, а чужой совсем голос:

– Эй, ребенок... А зовут-то тебя – как?

Резко прозвучавший за окном гудок проезжающего поезда полностью заглушил ответ мальчишки. Имени его Герман так и не расслышал.

* * *

– Поезд десятый скорый Москва – Саратов прибывает на первый путь. Нумерация вагонов с хвоста поезда, – донесся из динамиков голос женщины-оператора.

Толпа встречающих дружно двинулась вдоль платформы и вскоре рассредоточилась на маленькие кучки, каждая – возле того места, где, по приблизительным подсчетам, должен был оказаться после остановки поезда нужный вагон.

Через несколько секунд он уже показался вдали – длинный состав из двадцати с лишним вагонов. Вагоны, как в детской песне, были голубыми, и на каждом красовалась фирменная надпись. Вагоны мелькали перед глазами, и люди пристально вглядывались в надписи на табличках. Кто-то оставался на месте, кто-то, заметив мелькнувшее в окне родное лицо, начинал бежать вслед за поездом, не рассчитав место «приземления» вагона.

Громкий свисток паровоза огласил окрестности, быстрый стук колес плавно замедлился. На минуту все стихло, а потом перрон наполнился шумом людских голосов. Радостный восклицания доносились тот всюду, сливаясь в одну мелодию. Из вагонов выпрыгивали, сразу же попадая в объятия к родным и близким, люди с чемоданами, с клетчатыми баулами, набитыми тряпками, привезенными для продажи с московских оптовых рынков, мужчины с кейсами, женщины с маленькими детьми.

Проводники скучающим взглядом окидывали пассажиров, изредка кивая в ответ на «спасибо» или «до свидания».

– Спасибо вам, – поблагодарила пожилую проводницу молодая женщина, которая вышла из вагона последней. В руке у нее была только одна, совсем небольшая, сумка, а другую руку сжимал в своей ладони ребенок – мальчик лет десяти.

Проводница окинула взглядом мать и сына. У женщины были правильные черты лица. Ясный взгляд синих глаз казался немного грустным, и улыбка, запечатленная на губах, в этих глазах никак не отражалась. Густые светло-русые волосы ниже пояса были заплетены в тугую девичью косу. Узкие джинсы, майка и коротенькая джинсовая куртка делали женщину похожей на подростка. Как будто этот растерянный мальчишка, крепко сжимающий побелевшими от напряжения пальцами ее ладонь, был вовсе не сыном ее, а младшим братишкой. И сама она на мальчишку похожа была, если бы не коса.

Только глаза ее выдавали. Глаза взрослой женщины, успевшей многое повидать в жизни, а вовсе не девочки-тинейджера. Глаза всегда выдают возраст человека. Настоящий его возраст...

– Не за что, – откликнулась проводница. – Что, опоздали к поезду ваши встречающие?

– А нас никто не встречает, – откликнулась женщина. – Мы не очень далеко от вокзала живем. А маму не хотелось беспокоить, у нее слабое здоровье...

Сказала так, как будто оправдывалась перед этой незнакомой женщиной-проводницей, которую видит в первый раз в жизни и больше уже, скорее всего, не увидит никогда.

Проводница в ответ ничего не сказала. Женщина, еще несколько секунд постояв возле вагона в раздумьях, наконец потянулась за собой сына.

В этот момент застывший в полной неподвижности апрельский воздух внезапно растревожил какой-то северный ветер-бродяга, напомнив всем о том, что апрель – это еще не лето. Что до лета еще далеко...

Варя вздрогнула от прикосновения холодного ветра. Почему-то всегда так с ней случалось – задумавшись на минуту, она словно выпадала из окружающего мира, и в тот момент, когда снова она к нему возвращалась, приходилось переживать адаптацию.

– Мама, как здесь холодно! – Никита потянул ее за рукав.

Варя наклонилась, прижалась губами к теплой щеке сына.

– Ничего страшного. Сейчас поймем машину и доедем прямо до дома. Ты не успеешь как следует замерзнуть, поверь мне.

Они быстро шли вдоль перрона, протискиваясь сквозь толпу отъезжающих, провожающих и встречающих к выходу. То и дело раздавались по сторонам радостные восклицания, люди обнимали друг друга, обменивались счастливыми улыбками.

Что ж, пусть. Их-то с Никиткой никто не встретит. Потому что не ждет – никто...

Здесь, в родном городе, который Варя оставила уже почти десять лет назад, у нее теперь осталась одна только мама. Ни друзей, ни подруг. И любовь – первая и единственная – осталась там, далеко позади. В Москве, которая так и не стала для нее родным городом. Не сложились как-то у Вари отношения с Москвой. И жизнь – не сложилась тоже.

«Не смей, – строго сказала она себе, – не смей думать об этом! Возьми себя в руки!»

Перрон наконец-то остался позади. Варя огляделась по сторонам, с трудом узнавая привокзальную площадь, которая за прошедшие годы изменилась практически до неузнаваемости, обросла магазинами и кафе. И только унылый памятник Дзержинскому и пушистые голубые елки вокруг него по-прежнему оставались неизменными.

– Кто это? – Никита остановился и принялся задумчиво рассматривать возвышающуюся по центру площади фигуру «Железного Феликса».

– Это Феликс Дзержинский.

– Космонавт? – с надеждой уточнил сын.

Никита бредил космосом и космическими полетами и совершенно искренне полагал, что памятники можно ставить только космонавтам. Другие люди этого просто не достойны.

– Нет, Никита. В то время, когда он жил, космонавтики еще не было.

– Понятно, – разочарованно протянул сын и отвел взгляд от памятника в поисках объекта, более достойного его внимания. Совсем скоро такой объект был найден. Им оказался лоток с мороженым.

– Мам, купи «Экстрем» с клубникой!

– Тебе же холодно, – возразила Варя. – Ты же только что сам сказал...

– Мне уже тепло!

Спорить было бесполезно. Варя расплатилась за мороженное и протянула его сыну.

– Ешь. Только откусывай понемногу.

– Ага, – согласился Никита уже с набитым ртом.

Они пересекли площадь и остановились возле дороги. Устало вздохнув, Варя опустила большую тяжелую сумку с вещами прямо на землю и принялась всматриваться вдаль в поисках такси. Машины скользили вдоль проезжей части стройным потоком, но в первой, ближней к тротуару, полосе, почему-то оказывались только «Газели» или какие-нибудь иномарки, сверкающие намытыми боками. Владельцам дорогих игрушек явно была чужда идея скалывать на дороге полтинник.

– Мам, ты правда здесь жила раньше?

– Конечно, жила.

– Странно.

– Почему странно?

– Не знаю. Просто не могу себе представить.

– Значит, совсем ничего не помнишь? Тебе ведь три года было, когда мы приезжали сюда в последний раз. С тобой и с папой...

– Помню что-то такое... Вернее, почти ничего не помню. А бабушка далеко отсюда живет?

– Не очень далеко. Мы быстро приедем. Соскучился по бабушке?

– Соскучился. И по папе соскучился тоже...

Напрасно она задала ему этот вопрос. Не почувствовала вовремя, как хрустнул тонкий лед под ногами... Неужели так будет всегда? Это постоянное напряжение, эта затаившаяся на дне души и в любую минуту готовая выплеснуться наружу стремительным потоком горечь – вот как сейчас?

– Никита, прошу тебя. Мы же договорились.

– Договорились, – грустно кивнул сын. – Я знаю. Прости меня, я снова заставил тебя грустить.

Проезжающий мимо темно-синий «форд» моргнул фарами и вильнул к обочине. Варя подошла, немного удивившись тому, что водитель столь презентабельной на вид машины решил «подкалымить».

– До Ильинской площади довезете?

Водитель – мужчина лет сорока – приветливо улыбнулся.

– Довезу, мне как раз по пути. Садитесь!

Варя открыла заднюю дверцу, но Никита сразу заупрямился.

– Мам, я впереди, можно?

– Можно, можно, – слышался голос водителя, и Никита тут же с довольным видом уселся на предоставленное ему место.

– Не бойтесь, что оштрафуют? Детям ведь нельзя впереди...

Вопрос ее так и остался без ответа. В разговор тут же вступил Никита:

– Я уже взрослый!

Машина тронулась с места. В зеркале промелькнула улыбка водителя, но заметила эту улыбку только Варя. Лицо его почти сразу стало серьезным:

– Конечно, взрослый. Тебе сколько? Десять есть уже?

– В следующем году будет. А вообще мне девять.

– Понятно. Значит, нравится впереди ездить?

– Нравится. Меня папа всегда впереди сажал, даже когда я совсем маленький был. А у вас крутой сполер! Заводской, или сами поставили? – деловито одобрил Никита.

– Я вижу, ты в машинах разбираешься, – снова попытавшись скрыть улыбку, ответил водитель.

– Да, папа научил...

Варя молча слушала завязавшийся разговор, размякая от внезапно навалившегося тепла, отдавшись в плен накопившейся за долгое время дороги усталости. Из глубины души медленно и неотвратимо, как столб смерча, поднимался уже привычный страх. Страх за будущее сына, который, может быть, так никогда и не сможет смириться с тем, что взрослые, не спросив его совета, все решили по-своему. Если бы знать, что они с Паршиным поступили правильно... Если бы только знать! «Он привыкнет. Привыкнет, поймет, простит», – утешала себя Варя. А сын тем временем, словно позабыв о присутствии матери, продолжал увлеченно обсуждать достоинства и недостатки современных отечественных автомобилей, и снова она подумала о том, что наверняка не сможет, как бы ни старалась, заменить сыну отца...

«Боже, как плохо! Как все плохо, как ужасно!» – почти простонала она мысленно и зажмурила глаза, физически ощутив приступ боли, всколыхнувшей душу. За окном мелькали полузабытые здания, неоновые огни вывесок магазинов и салонов красоты. Варя с трудом узнавала родной город. Всего два года здесь не была, но за эти два года все так перевернулось!

– Кажется, мы приехали, – с сомнением в голосе произнесла она.

– Кажется, или приехали? – с улыбкой уточнил мужчина. При разговоре с Варей он почему-то не постарался ее скрыть.

Варя не обиделась. Она уже привыкла к тому, что окружающие редко воспринимают ее серьезно. За десять лет совместной жизни Паршин успел ее к этому приучить... «Варька-варежка...» – эхом отозвался в памяти его голос, и снова все та же мысль: может, напрасно?

– Мама у бабушки уже два года в гостях не была. Поэтому забыла, – вступился Никита. – А я вообще...

Варя наконец окончательно опознала местность – в поле зрения попались старые сломанные качели, на которых она сама двадцать лет назад летела к небесам... Как легкий был этот полет!

– Приехали. Вот здесь, за поворотом, наш дом. Остановите, пожалуйста...

– За поворотом и остановлю, – снова улыбнулся водитель, включил поворотник и снова обратился с вопросом к Никите:

– Тебя как зовут-то?

– Никита, а вас?

– Меня Артем. Можно и на «ты», кстати. Значит, хочешь стать автомобильным инженером?

– Ага, – подтвердил Никита.

– Странно, а почему не гонщиком? Я вот в детстве гонщиком мечтал стать.

– Гонщиком быть опасно. Если со мной что-нибудь случится, мама останется одна. А она без меня не сможет...

– Вот ведь ты какой. Серьезный, ответственный...

Слезы едва не брызнули из глаз. Спасло то, что Никита нечаянно капнул мороженым прямо на обивку сиденья. Сентиментальное умиление сразу же сменилось праведным гневом:

– Никита!

– Мам, я нечаянно!

По голосу было понятно, что он растерян, что переживает ничуть не меньше, а может быть даже и больше, чем сама Варя.

– Извините нас, ради бога. Я сейчас...

Варя уже достала из сумки носовой платок и потянулась вперед, чтобы поймать убегающую вниз тягучую струйку бледно-розового цвета.

– Да ничего страшного, – все так же беззаботно и чуть снисходительно, как показалось Варе, улыбнулся их новый знакомый. Улыбка была доброй, искренней. От сердца отлегло.

– А вас как зовут?

Вопрос показался неожиданным, неуместным. В самом деле, ведь сейчас они выйдут из машины, он уедет своей дорогой – и больше никогда не встретятся. Зачем ему понадобилось ее имя?

– Варвара, – почти сухо ответила она, сразу же ощутив внутреннюю напряженность. «Ощетинилась!» – мысленно охарактеризовала свою реакцию на вполне безобидный вопрос, в очередной раз подумав: никогда... Ни с кем и никогда, кроме Паршина, кроме проклятого Паршина, черт бы его побрал, она не сможет. Даже познакомиться, не говоря уж о каких-то отношениях... Впереди не ждет ничего, кроме вечной тоски и сомнений в правильности сделанного шага. Так будет всегда.

– Вы, значит, не местные?

– Теперь местные, – все так же сухо ответила Варя.

– Ну вот и отлично, – словно не заметив ее явной нерасположенности, продолжал Артем. – Хотите, сходим вечером вместе в парк?

Она подняла глаза и окинула его пристальным взглядом. Невозможно было даже подумать о том, что, еще не успев как следует распрощаться с прошлым, она вдруг получила шанс на какую-то новую жизнь.

Только ей совсем этого не хотелось. Хотелось сжаться в комок, спрятаться, как улитка, внутри теплого и темного панциря и жить, не выглядывая наружу. Чтобы никто не трогал, не тревожил, не предлагал ничего, даже – счастья, в призрачности которого Варя теперь уже не сомневалась.

– Давай, – безапелляционно согласился Никита.

– А мама? Мама твоя не против?

– Против! – Варя положила скомканный платок обратно в сумку. – Вы извините, мы с дороги, у нас нет времени...

– Тогда, может быть, завтра?

– Может быть, – неопределенно кивнула Варя и протянула ему сторублевую купюру: – Вот, возьмите.

– Ну что вы! Я же сказал, мне по пути. Я сам здесь живу неподалеку, вон в той девяти-этажке...

«Ну вот, к тому же еще и соседи», – как-то обреченно подумала она и снова попыталась вручить водителю честно заработанную сотню. И на этот раз ничего не вышло – его обезоруживающая улыбка наконец достигла цели, и Варя рассмеялась:

– Что ж, спасибо вам, что подвезли. Если вы здесь недалеко живете – может быть, еще встретимся с вами...

– Вот как, – понимающе кивнул он. – Значит, будем надеяться на случай?

Варя кивнула. Мужчина был, в самом деле, приятный, но вот только момент совсем неподходящий. Внутренне напряжение возрастало с каждой минутой – Варя готовилась к встрече с матерью, снова пыталась подобрать уже сотни раз подобранные и сотни раз забытые слова. Она догадывалась – разговор предстоит тяжелый... Предчувствовала постоянно повторяющийся и разрывающий душу на части рефрен: «Говорила же! Ведь говорила же я тебе, а ты не послушалась...»

* * *

Тогда, десять лет назад, в доме произошел тихий скандал, и вызван он был известием о том, что Варька решила выйти замуж. Варя помнила, как сейчас, серую муть, раскинувшуюся за окном, безбрежное осеннее пространство, не желающее мириться с существованием радости, теплым уютным пламенем полыхающей в душе. Окружающий мир и ее, Варькина, радость, в тот день разделились на два противоположных полюса. Глядя раскачивающиеся в сером небе голые ветки деревьев, перепрыгивая через грязные лужи, она поражалась в тот день странному несоответствию мира внешнего и внутреннего. И вот уже закралось в душу первое сомнение: что скажет мама, когда обо всем узнает?

Несколько месяцев назад, когда Алешка Паршин впервые появился в их доме, отношения между ним и будущей тещей складывались вполне нормально. Конечно, в тот момент еще и мыслей ни у кого не возникало, что Варькина мама – будущая теща. Просто мама знакомой девчонки, в обществе которой приходилось иногда коротать вечера потому, что приткнуться в осеннем холоде больше было негде. Дома у Паршиных и без того перенаселение, каждый день сидеть в кафе накладно – вот и стали вечерами ютиться в просторной гостиной у Варьки, и Галина Петровна как-то легко вписалась в эти посиделки, еще тогда придавая им характер семейных вечеров...

Впрочем, сообразительности и такта Галина Петровна вполне хватило на то, чтобы хотя бы иногда оставлять молодых наедине. Со временем они стали уже нуждаться в этом уединении, и Варя молча каждый раз сверлила мать взглядом до тех пор, пока она с наигранной озабоченностью не вспоминала: «Черт, совсем забыла, ведь у нас сахар кончился, и хлеба купить надо... Пойду я, Варенька. Вы уж тут не скучайте без меня...» «Замечательная, все-таки, у меня мама!» – думала Варька. Провожала Галину Петровну до двери, медленно поворачивала ключ в замочной скважине, стараясь ничем не выдать своего нетерпения. Заставляла себя дожидаться, пока стихнут на лестнице шаги – первый лестничный пролет, второй, третий... И мчалась по коридору в комнату, уже на ходу сбрасывая с себя одежду. Джинсы и футболка летели в сторону, вслед за ними – бюстгальтер и трусики. Не было времени на то, чтобы соблюсти приличия, чтобы сделать все это медленно, постепенно и красиво, как в кино. Его губы в этот момент уже скользили по ее обнаженным плечам, дыхание обжигало кожу, страстный шепот окутывал со всех сторон волшебной паутиной: «Варька, Варенька...»

Алешка быстро подминал ее вниз, она счастливо улыбалась и послушно скользила туда, куда он подталкивал ее так нежно...

Полчаса пролетали стремительно и незаметно. Едва отдышавшись, почти не размыкая губ, они бежали в ванную, плескались и дурачились, как дети. Наспех вытирались, одевались, чинно рассаживались в комнате по разным углам, и почти сразу слышался звонок в дверь... «Успели!» – Алексей подмигивал Варьке, и она, с огромным трудом пытаясь сохранить серьезное лицо, шла открывать. Галина Петровна заходила в комнату, тяжело дыша, с сумками в руках: «Не скучали без меня?» – и снова оставляла их одних, а сама шла на кухню, ставила на плиту чайник, раскладывала по шкафам и полкам купленные продукты. Варя никогда не задумывалась, чем там занимается мать, и невдомек ей было, что каждый раз Галина Петровна, бесшумно прошмыгнув в ванную, наводит там порядок. Вытирает забрызганные водой пол и стены, расправляет клеенчатую занавеску, развешивает поровнее полотенца на крючке. И только после этого, успокоившись, снова возвращается в комнату: «Леша, Варенька, пойдёмте ужинать. Я котлеты с картошкой разогрела, чай заварила свежий...»

Лешка отнекивался, Варя тянула его за собой, как на поводке. «Ну, ладно тебе, не скромничай...» Галина Петровна сидела за столом напротив, сложив руки на груди, с улыбкой на лице каждый раз наблюдая, с каким аппетитом молодежь поглощает нехитрое ее угощение. Смотрела и думала про себе, что правильно поступает, что по-другому нельзя. «Что толку в запретах? Ну, перестанут домой приходить, по кустам да под заборами – разве ж лучше?» Она верила в то, что все хорошо сложится. Верила в то, что дочь у нее уже взрослая, умная, что Лешка – парень серьезный, ответственный. Что с того, что детям всего по восемнадцать? Теперь молодежь вырастет раньше, и взгляды на жизнь у них другие...

Варя же жила только своей влюбленностью и о чувствах матери не думала. Просто гордилась в глубине души тем, что мать у нее такая передовая, «продвинутая», что она не пытается воспитать дочь «по своему образу и подобию», а доверяет ей. И Лешке Галина Петровна нравилась. Беды ничто не предвещало.

Но беда случилась. Подстерегла и застала, как водится, врасплох.

Была в тот день вечеринка дома у Оксаны Зарубиной, Варькиной однокурсницы и закадычной подружки. Повод был достойный – восемнадцать лет стукнуло Оксане. Родители уехали на дачу, а она пригласила в гости кучу народа, почти всю группу. Не меньше пятнадцати человек в тот день в гостях у Оксаны было. Варя пришла, конечно, с Алешей. Он в незнакомую компанию быстро вписался, со всеми перезнакомился. Произнес пару остроумных тостов в честь именинницы, заслужив восторженные аплодисменты. Смеялись, шутили, потом танцы пошли, как водится.

Варя удивилась, когда к ней подошел Андрей Скворцов и протянул руку, приглашая на танец. Засомневалась: не обидится ли Лешка, если она с другим танцевать пойдет? Поискала его глазами и обнаружила в дальнем конце комнаты. В компании своих однокурсников. Паршин в ее сторону даже не смотрел. «Да ладно тебе, Варька, пошли танцевать! Ну, что ты, боишься его, что ли?» «Боюсь?» – искренне рассмеялась Варя. Она и представить себе не могла, что Паршина можно бояться. Она вообще не понимала, как это бывает, когда один человек любит другого, и в то же время – боится его. Наверное, так не бывает, бывает что-то одно – или любишь, или боишься. «Я, в смысле... – пробубнил Скворцов, несколько смутившись от ее смеха. – Я про то, что он у тебя ревнивый, может...»

Она уже положила руки ему на плечи и шагнула вперед. «Какой же ты, Скворцов, неуклюжий! Ты ведь мне все ноги оттоптал!» Она громко рассмеялась и внезапно поймала взгляд Алексея. Издалека, едва различимый. Каким-то остекленевшим он ей показался. Но только на миг – Андрей Скворцов снова лихо вывернул Варьку куда-то в сторону, она ахнула, и снова рассмеялась над неуклюжим своим одноклассником.

Музыка закончилась. Андрей склонился в церемонном поклоне, поднес ее руку к своим пухлым губам. Варя снова улыбнулась – настроение было отличным, просто замечательным! – и, в миг забыв о нем, легкой походкой прошла через комнату к Андрею.

«Это что еще за тип с тобой обнимался?» – услышала она его голос и поразилась тому, что голос показался ей незнакомым. И снова этот взгляд – чужой, неподвижный. «Бес в тебя, что ли, вселился?» – спросила она с каким-то мистическим страхом, потому что тогда, в тот момент, ей и в правду показалось, что в Лешку кто-то вселился. Бес, или дьявол, или Фредрих Крюгер какой-нибудь из старого фильма ужасов. Потом уже, спустя какое-то время, она догадалась – он просто выпил лишнего. Поэтому и взгляд изменился, и голос стал чуточку другим.

Он схватил ее за кисть и больно вывернул. И в это тоже невозможно было поверить, чтобы он, ее Лешка, так вот грубо и больно... «Эй, ты чего? Выпил, кажется, лишнего... – пробормотала она, выдернув руку. – Не смей так со мной, слышишь?»

Чувство обиды было таким сильным, таким огромным. Оно, казалось, просто не умещалось в душе, стремилось выплеснуться наружу. Удержаться было невозможно. «Сумасшедший!» – процедила она сквозь зубы и быстро отошла от него. Снова заиграла музыка. Варя отыскивала в толпе все того же Скворцова, подошла, демонстративно обхватила за плечи и потянула в центр. «Ты чего? – парень опешил от ее натиска. – Тебе же не понравилось...» «Глупый ты, Андрюха, – ответила Варька, даже не глядя на него. – Разве можно верить женщине? Женщина говорит – нет, а подразумевает – да!» «Я про это читал... в каком-то журнале, – смущаясь, ответил Скворцов. И, втайне ошалев от близости ее тела, от запаха волос девушки, которая так давно нравилась, так давно притягивала к себе, неожиданно смело спросил: – А у тебя с ним... серьезно?»

Ответа на свой вопрос Скворцов так и не услышал. В следующую секунду музыка оборвалась, лампочка на потолке брызнула светом. В комнате повисла недоуменная тишина. Вся компания с удивлением смотрела на Алексея, который стоял возле магнитофона и судорожно сжимал в побелевших пальцах электрический шнур. А дальше произошло что-то совсем необразимое. Пошатывающейся, нетвердой походкой он подошел к Варьке и Андрею Скворцову, которые, несмотря на то, что музыка оборвалась, по инерции еще продолжали оставаться в некоем подобии объятий. Рука Андрея неуверенно покоилась на Варькиной талии, а ее кисти сомкнулись на его тонкой шее.

Она собиралась что-то сказать, но не успела. Инстинктивно взмахнула рукой, закрывая лицо от удара. Но тоже – не успела. Алексей больно ударил ее кулаком в лицо. Удар был настолько сильным, что она пошатнулась. Вскрикнула, попыталась удержать равновесие, но не сумела – отлетела в сторону и упала на пол. «Прикройся», – процедил он сквозь зубы, бросив взгляд на ее юбку, которая задралась выше талии.

Из глаз брызнули слезы. Нет, не от боли она плакала, хотя боль – физическая боль от удара – в тот момент тоже была сильной, но едва ли ее можно было сопоставить с той болью, что тысячами острых игл пронзила душу, пытаясь разорвать ее на части. «Ошалел, что ли?» – послышалось откуда-то. Алексей повернулся на голос, по-бычьему наклонил шею и двинулся на парня, который посмел высказаться.

Завязалась драка. Варя медленно попыталась приподняться, натянула юбку на колени. Из глаз текли слезы, но она их не замечала, не чувствовала. Кто-то подошел к ней, бережно взял за руку, помог встать наконец на ноги. Она подняла глаза и увидела все того же Скворцова. «Ты извини, – пробормотал он. – Я ведь не знал, что так получится. Извини, Варь...» Ничего не сказав в ответ, она, слегка пошатнувшись, направилась к выходу. Тут же подлетели к ней подружки: «Варька, Варенька... Да что же это он у тебя такой ненормальный, а?» Ее проводили в ванную. Подставив сомкнутые горстью ладони под струю холодной воды, она долго смотрела на ручейки, стекающие между пальцев, и думала о том, что никогда, никогда в жизни она не простит Паршина, что бы он там ни говорил в свое оправдание, да пусть хоть на колени встанет,

все равно – нет, не простит... Плеснула в лицо холодной водой, смывая горячие слезы, еще раз плеснула... Потом резко поднялась, откинув со лба длинную и тяжелую прядь мокрых волос, и вдруг увидела свое отражение в зеркале.

Правая часть лица ужасно распухла и отдавала фиолетовым. Гематома была настолько обширной, что в это даже не верилось. «Боже... боже мой, что я скажу маме?» – от отчаяния она готова была умереть. Сейчас, здесь, в этой ванной. Чтобы никто не увидел ее – такой. Она намочила край полотенца и приложила к щеке. Стояла, застыв, долго, время от времени снова смачивая водой край полотенца, боясь снова посмотреть в зеркало и снова увидеть себя.

Но посмотреть все же пришлось.

Холодное полотенце не спасло – гематома разрослась и стала еще темнее. Глаз заплыл, его уже почти не было видно.

Она досадливо отшвырнула полотенце в сторону и снова разрыдалась. От боли, от отчаяния.

Кто-то дернул за ручку ванной. «Варька, – слышалось с той стороны, – Варька, открой! С тобой все в порядке?» Встревоженный голос подруги не умолкал до тех пор, пока она не выдавила из себя: «Все в порядке, не волнуйся». Снова – тишина, снова – мокрое полотенце, и снова слезы. Наконец она поняла, что невозможно вечно сидеть, запершись в ванной. Прислушалась – поблизости, кажется, никого не было. Громкие голоса доносились из комнаты – там о чем-то оживленно спорили, кричали. Среди голосов она различила и Лешкин, снова почувствовала предательскую дрожь в коленках и желание разреваться.

Тихонько приоткрыв дверцу ванной, она обвела взглядом прихожую. Поблизости никого не было. Она схватила полотенце, прикрыла лицо. Нашупала на полу свои шлепанцы и, выскочив за дверь, помчалась вниз по ступеням. Один, второй, третий лестничный пролет. Ей казалось, что она движется ужасно медленно, как будто продирается сквозь песок или толщу воды. Позади снова слышались голоса – Варя, Варька, куда же ты...

Все-таки, она сумела убежать. Благо дело, троллейбусная остановка была поблизости. Она заскочила на подножку и, низко опустив голову, прошла и села сзади, спиной к салону. За окном в тусклом свете вечерних фонарей мелькали дома и машины. Расстояние все сокращалось, и она со страхом представляла себе лицо матери, ее слезы и причитания. «Что я ей скажу?» – в который раз спрашивала она себя и в который раз не находила ответа.

– Кто же это так тебя разукрасил? – слышался сочувственный голос. Мужчина, сидящий рядом с ней, судя по различимому запаху, тоже возвращался домой с какой-то дружеской пирушки. Варя промолчала в ответ.

– Бедная ты, девка...

Она резко поднялась с места. Двери распахнулись, и Варя выскочила из троллейбуса. До дома оставалось еще целых три остановки, и она прошла их пешком, горячо благодаря в душе работников жилищно-коммунального хозяйства, которые не слишком трепетно следят за исправностью городских фонарей.

У порога своей квартиры она долго стояла, переминаясь с ноги на ногу, сотни раз проклиная себя за то, что забыла взять ключи. Были бы ключи – можно было бы прошмыгнуть в квартиру незаметно и сразу лечь спать, отвернувшись к стене. Или надолго запереться в ванной, дождавшись, пока мама ляжет спать.

Наконец решилась и нажала на кнопку звонка. Соловьиная трель зазвучала с неуместной радостью.

– Дочка! – мать всплеснула руками.

Все было так, как и предполагала Варя. И даже еще хуже, еще страшнее. Слезы, стоны и причитания сменились тяжелым, угрожающим каким-то, молчанием. Потом мать подняла глаза и тихо спросила:

– Это он? Скажи, это он сделал?

До сих пор, несмотря на то, что столько лет прошло, Варя поражалась прозорливости матери. Просто непостижимым образом она как-то сразу догадалась, кто «приложил руку» к Варькиному лицу в тот вечер. Может быть, глаза дочери ей обо всем рассказали?

И Варя почему-то не смогла ей соврать. А ведь придумала по дороге домой с десяток вполне правдоподобных историй! И про то, как ударились нечаянно об угол стола, и про то, как бандиты в темном переулке напали, и еще много чего придумала. Но почему-то соврать матери не сумела. Только кивнула в ответ, опустила голову низко-низко, и потекли слезы ручьем...

– Девочка моя, – горячо шептала мать, прижимая к себе. – Бедная ты моя, маленькая девочка... Как же так, а?

– Не знаю, мама. Не знаю, что с ним случилось. Он весь какой-то другой был, на себя совсем не похожий. Знаешь, и взгляд, и голос... Будто и не он вовсе.

– А я-то, дура старая... Я-то думала, все хорошо у вас будет. Думала, что он надежный парень, серьезный, хороший... Видишь, как бывает.

– Не знаю, что с ним случилось, – повторила Варя. – Как подменили.

Долго в тот вечер они еще сидели с матерью, обнявшись. Слезы высохли, боль прошла. Галина Петровна отыскала в аптечке какую-то мазь от синяков, протянула Варьке.

– На, возьми. Намажешь, к утру опухоль немного спадет... Хотя, постой. Давай, я сама...

Варя сразу поняла – мать просто не хочет, чтобы она лишний раз смотрела на себя в зеркало. Покорно откинулась на спинку кресла, прикрыла глаза. Мать сбегала в кухню, принесла из морозилки лед в целлофановом пакете. Застелила постель, уложила дочь, заботливо накрыв одеялом.

– Спи, моя хорошая. Спи и не думай о нем. Постарайся не думать...

Но, как Варя ни старалась, не думать – не получалось. Всю ночь она пролежала, не сомкнув глаз, и почти до самого утра слышала, как ворочается и вздыхает мать в своей постели, переживая о том, что не разглядела вовремя, не смогла уберечь свою дочь от этого кошмара.

– За что он тебя, Варька? – услышался вдруг ее голос.

За окном уже розовело небо. Узкая и тонкая полоска рассвета протянулась вдоль линии горизонта, обозначив начало нового дня. «Новой жизни» – пронеслось в голове. В тот день она на самом деле так думала – что теперь у нее новая жизнь начинается. Что к прошлому возврата уже нет и быть не может.

– Я с Андреем Скворцовым танцевала.

– Скворцовым? Это который в одной группе с тобой учится?

– Ну да, с ним.

– И что?

– Ничего. Просто танцевала. А он подошел и ударил.

– Вот так прямо подошел и ударил? Ни с того, ни с сего?

– Mam, давай не будем, – усталым голосом произнесла Варя. – Ну что теперь об этом? Было и прошло. Ты чего не спишь до сих пор?

Мать вздохнула в ответ, ничего не сказала. Варьке вдруг стало жалко ее. Пронзительно, до слез жалко.

– Mam, – сдавленным голосом пробормотала она. – Ну ты не переживай так. Ничего ведь теперь уже не поправишь.

– Увижу – убью, – тихо пробормотала в подушку Галина Петровна и замолчала.

«Не увидишь больше», – мысленно вздохнула Варька. Поднялась с постели, задвинула плотнее шторы на окнах, чтобы это так некстати случившееся солнце спать не мешало. Снова легла, отвернулась к стенке и почти сразу заснула.

В тот момент она и правда не сомневалась в том, что с Паршиным у них все кончено. Проснувшись утром, даже не зашла в ванную, чтобы не видеть своего лица. Ходила из угла в

угол по квартире и все повторяла про себя: «Гад Паршин. Сволочь Паршин. Ненавижу, ненавижу Паршина...»

Мать с утра ушла на работу, а Варя на занятия в институт, конечно же, не пошла. Можно было бы наложить на лицо целый тюбик тонального крема, надеть темные очки. Можно было сочинить для однокурсников историю о том, как на нее напали хулиганы.

Но дело было даже не в этом. Она просто не хотела и не могла в тот день находиться среди людей. Маленькая однокомнатная квартира впервые показалась ей огромной. Хотелось оказаться внутри какой-нибудь крошечной, темной и тесной коробки. В каком-нибудь сундуке с тяжелой крышкой, которая запирается изнутри. Чтобы никто – в том числе и это навязчивое весеннее солнце – не смог ее потревожить. Сидеть в полной темноте, тишине и одиночестве и зализывать раны...

Телефон, не умолкая, звонил с самого утра. Варя не снимала трубку, а когда пронзительная соловьиная трель стала казаться невыносимой, она просто отключила телефон. Выдернула шнур из розетки и бросила его на пол. Представила себе лицо Паршина, который без конца, в сотый или тысячный уже раз подряд, накручивает диск своего допотопного домашнего аппарата. И слушает, без конца слушает эти длинные протяжные гудки, сходя с ума от собственного бессилия.

«Так тебе и надо», – мысленно говорила она ему и пыталась оттыкать в душе признаки злорадного торжества. Но, как ни старалась, ничего не находила. Кроме боли, бескрайней и необъятной, в душе не было ничего. Она, эта боль, заполонила собой всю душу и, кажется, грозила выплеснуться из краев. Варя почему-то всегда, еще с детства, представляла себе душу в виде широкой чаши, расположенной где-то в грудной клетке, в промежутке между сердцем и легкими. Детство давно прошло, а придуманный образ остался. Там, в этой чаше, еще совсем недавно плескалась радость. Прозрачная, легкая, светлая. А теперь чаша до самых краев была полна тягучей маслянистой и черной жидкостью. Вот такая она, боль...

Паршин снова появился в ее жизни ближе к вечеру. Вошел через дверь...

Услышав звонок, она зажала уши. Только этого еще не хватало, ни за что в жизни она не станет открывать. Кто бы там, с той стороны, не находился. Хотя в том, что это именно Паршин пришел к ней просить прощения, она почти не сомневалась. Все таки подошла на цыпочках к двери, приоткрыла глазок. И в самом деле, это был он.

Она так и думала, что он придет. И почему-то представляла его себе с виноватым взглядом и с огромным букетом цветов в руках. И даже представляла, как она берет эти цветы и выбрасывает их в окно безжалостно. По крайней мере, героини фильмов, обиженные на своих возлюбленных, так и поступали. А в свои восемнадцать лет она знала жизнь больше по книгам и по фильмам. Тот сюрприз, который преподнесла ей жизнь, явившись в своем истинном обличье, был первым и пока единственным.

И вот сейчас, почти сразу же, последовал второй. Жизнь снова, злорадно усмехнувшись, дала ей понять, что книги пишут люди. И фильмы снимают – тоже люди. А она, жизнь, действует, сообразуясь только со своими правилами игры. И устанавливает она их сама, ни с кем не советуясь.

Не было никаких цветов. Варя сразу увидела, что цветов в его руках нет, что руки опущены, и голова Паршина тоже опущена вниз. В окуляре дверного глазка фигура его казалась вытянутой, голова – непропорционально большой, а сам он, несмотря на то, что стоял возле двери, отодвигался зрительно на достаточно большое расстояние.

И такой жалкий, такой несчастный был вид у этого большеголового Паршина, что Варя вдруг обо всем забыла. Забыла прежде всего о том, как это бывает в кино. Поняла, что у жизни – свои правила. «Гад... – прошептала она. – Гад Паршин. Сволочь...»

И открыла дверь.

«Варька, – сказал Паршин, поднимая глаза. – Варенька... Прошу тебя, умоляю, прости... Я гад, сволочь. Только жить без тебя не смогу, не сумею...»

В тот день она его простила. И снова все стало по-прежнему, с одной только разницей – теперь они не могла больше встречаться у Вари дома, потому что мама наотрез отказала принимать у себя Лешку. Даже пыталась запретить Варе встречаться с ним, но это уже было не ее власти. «Мама, я уже взрослая! Я сама решаю, с кем мне встречаться, а с кем не встречаться!» – заявила дочь. На лице у Вари к этому времени уже и следов от гематомы не осталось. Кожа снова стала светлая, белая, взгляд – ясный и счастливый. «Он просто выпил лишнего, – объяснила она Галина Петровне. – Мы с ним решили, что он просто больше никогда не будет так много пить. Никогда, мама, понимаешь?»

Они стали встречаться на квартирах у друзей Алексея, один раз даже сняли номер в гостинице, а чаще всего отдавались чувствам прямо в городском парке, в заброшенной его части, где поздно вечером никого уже не встретишь. Правда, проснувшись на следующий день, Варя чувствовала себя немного виноватой, понимая, что ведут они себя совсем неприлично, однако в тот момент, когда наступал вечер и Паршин тянул ее снова в парк, не могла уже сопротивляться.

Так прошло несколько месяцев. Лето кончилось, теперь уже вылазки на природу стали невозможны. К тому же, Варя выяснила, что беременна.

Радости Лешкиной не было предела. Он полчаса кружил Варьку на руках. Сердце у нее замирало: «А я-то, глупая, боялась... Боялась, что испугается, аборт делать предложит...» Паршин целовал ее долго и нежно, едва касаясь губами, и все уговаривал: «Только прошу тебя – сына. Роди мне сына, Варечка...» Смешной Паршин. Как будто от нее, от Варьки, в тот момент могло что-нибудь зависеть...

Она бежала домой, шлепая по лужам, абсолютно счастливая. А мать выслушала ее, строго сдвинув брови, сказала: «Ты пожалеешь. Еще сто раз пожалеешь об этом, Варя. Поверь мне, люди не меняются. Когда-нибудь ты вернешься домой и скажешь, что я была права. Этот день настанет... Только тогда уже будет поздно».

Там, в Москве, куда они уехали сразу после регистрации брака, Паршин срывался три раза. Один раз избил ее, беременную, приревновав к соседу по лестничной площадке, к которому Варька зашла за солью и задержалась, немного заигравшись с его щенком. Второй раз это случилось почти сразу после выписки из роддома – праздновали рождение сына, и Паршин напился так, что и сам уже потом не помнил, за что так жестоко избил жену. «Я уйду от тебя», – сказала тогда Варька. Теперь она смотрела на мужа равнодушно и почти спокойно. Он был таким же жалким, таким же несчастным, как и в тот день, когда впервые пришел просить у нее прощения. Но тех, прежних чувств, в ее душе уже больше не было. «Я уйду от тебя, если это еще хоть раз повторится, – отстраненно повторила она. – Уйду и заберу с собой сына». «Этого больше никогда не повторится, – заверил ее Алексей. – Больше никогда, поверь мне... Ведь я люблю тебя, Варечка. Больше жизни своей люблю тебя. И Никитку...»

Теперь, глядя в глаза мужа, она почти не слышала его. В голове почему-то звучали только слова матери: «Когда-нибудь ты вернешься домой и скажешь, что я была права. Этот день настанет... Только тогда уже будет поздно...»

* * *

– Ну вот, мы пришли.

Варя замерла перед дверью. Воспоминания никак не хотели отпускать, заставляя испытывать странное, почти мистическое чувство. Как будто бы, переступив сейчас порог этого

дома, она и правда подведет черту под прошлым. Проведет две линии – крест накрест, перечеркнув все то, что было. Теперь уже – окончательно, навсегда...

– Мам, – Никита теребил ее за рукав. – Ну, что же ты стоишь?

Приподнявшись на цыпочках, он сам потянулся к звонку. Но дотянуться не сумел – пухлая его ладошка замерла в нескольких сантиметрах от кнопки, пальцы вытянулись, дрогнули и опустились.

Варя вздохнула поглубже и нажала на кнопку. Вот и все.

– Вот и все, – проговорила она вслух. – Вот мы и дома, Никитка.

Послышались шаги. Светлая точка дверного глазка потемнела на миг, дверь тут же распахнулась:

– Варя! Варенька! Никитка! Вот радость-то! Вот это сюрприз!

Варя обняла мать, вдохнула знакомый с детства запах ее волос и кожи и на мгновение снова почувствовала себя маленькой девочкой. Как будто бы и не было этих прожитых лет – она просто вернулась из какого-то далекого путешествия в страну взрослых. Решила вернуться, потому что там, в этой стране, ей не понравилось. Если бы было в жизни все так просто!

– Дочка, ну что же ты... Что же не позвонила, не предупредила? Я бы встретила вас...

– Ну что ты, мама. Мы и сами прекрасно добрались, зачем тебе лишние хлопоты?

– Никитка! Большой какой стал, а? Прямо богатырь вырос! – Галина Петровна не могла скрыть дрожи в голосе. И слезы на глаза навернулись почти сразу, заблестели предательским блеском. Варя сняла с плеча дорожную сумку и снова обняла мать.

– Мама, я ужасно соскучилась!

– А я, ты не представляешь, как я-то соскучилась! Вы надолго к нам? – с надеждой спросила мать, слегка отстраняясь от дочери.

Варя отвела взгляд. Нет, только ней сейчас, не с порога. Потом, позже, но не сейчас, она признается ей в том, что приехали они навсегда.

– Я еще не решила, – ответила она неопределенно и прошла в комнату. Оглянулась вокруг, мучительно пытаясь придумать предлог для того, чтобы сменить тему разговора.

– Ого! Да здесь все новое! И обои, и занавески, и линолеум даже новый... Неужели своими силами ремонт делала?

– Своими, а-то чьими же? Кроме своих, других-то нету. Хотела еще к вашему приезду прихожую осилить... Я-то думала, вы летом приедете. А вы вот весной нагрянули... А как же из школы-то Никитку отпустили?

– Бабушка, ты разве не знаешь... – раздался голос сына.

Варя почувствовала предательскую дрожь в коленках. Сейчас, вот сейчас он и расскажет, как на духу, обо всем, чего пока еще не знает бабушка. Преподнесет ей еще один сюрприз. Черт, нужно было предупредить Никитку, чтобы молчал до поры – до времени...

– Ты разве не знаешь, что в школе сейчас каникулы? – внук смотрел на бабушку с искренним недоумением. В самом деле, ну как можно не знать таких простых и важных вещей!

– Ах, да, – сразу же успокоилась Галина Петровна и радостно рассмеялась: – Конечно же, каникулы!

Никита бросил на мать многозначительный взгляд. Варя подошла к сыну и словно бы невзначай коснулась его руки, сжала крохотные пальцы, выражая свою благодарность. «Совсем взрослый стал», – подумала она с неожиданной горечью.

Уже не в первый раз за последнее время она испытывала это чувство. Слишком часто приходилось Никитке быть взрослым. Пока он справлялся с этой ролью, можно сказать, блестяще. Тот тяжелый, самый тяжелый в ее жизни разговор о разводе родителей был его первым испытанием. Варя вспомнила серьезный взгляд сына, его молчание. Он почти ничего не говорил, только слушал молча и внимательно смотрел на нее. Как будто не верил, что она говорит правду. Варя и сама отчасти не верила, и сама не могла постигнуть смысла этих странных слов,

которые повторяла сыну: «Иногда такое случается, Никита. Взрослые люди просто не могут жить вместе. Не потому, что не хотят, а просто не могут...»

Вот и сейчас у Никиты был точно такой же взгляд. Пухлые детские губы, курносый нос, рост метр с кепкой – и глаза взрослого человека.

«Все будет хорошо», – в который раз попыталась убедить себя Варя и отпустила теплую ладошку сынишки. Он незаметно кивнул в ответ.

Этот невидимый и странный разговор матери с сыном остался Галиной Петровной незамеченным. Она все охала и причитала от радости, почти как ребенок. Они словно поменялись ролями – взрослые дети и мать, на какое-то время забывшая о своем возрасте.

– Ну, располагайтесь. Устали, наверное, с дороги. И проголодались...

– Нет, мама, мы не устали и почти не проголодались. Никитка все дорогу по вагону носился с каким-то мальчишкой из соседнего купе. Они в разбойников играли...

– В пиратов, – немного обиженным тоном поправил сын.

– Извини, – Варя с трудом сдержала улыбку. – Конечно, в пиратов. А я с книжкой на верхней полке валялась, почти не вставала. Интересная книжка попалась, знаешь...

Варя вспомнила потолок, который изучала почти целые сутки в дороге. Вагонный потолок, обитый серой пластмассой с белыми прожилками. Так замысловато переплетались эти прожилки друг с другом, словно узкие тропинки в густом лесу или бесчисленные ответвления нескончаемого лабиринта. Взгляд, остановившийся в одной точке, терпеливо изучал хитросплетения. Сначала потолок был светлым, потом потемнел слегка. Потом появилось светлое пятно в самом центре... Она перевела взгляд в окно, провожая быстро мелькающие телеграфные столбы, снова повернулась на спину и уставилась в потолок. Дорога показалась ей нескончаемой.

Книжка у нее, и правда, с собой была. Вполне возможно, что интересная – этого Варя просто не знала. Она держала ее перед глазами, наверное, минут двадцать, пока не поняла вдруг, что не прочитала ни одного предложения...

Только маме об этом знать было ни к чему.

– А Алеша? – мать настойчиво продолжала развивать опасную тему. В принципе, вопрос был вполне естественным в ситуации. Зять и теща виделись крайне редко, поскольку недолюбливали друг друга. Сама Варя никогда не настаивала на том, чтобы Алексей проводил отпуск вместе с ней у матери. Стремление к соблюдению дурацких, никому не нужных приличий было ей чуждо. Она знала – каждый раз, когда она приезжает в гости к матери без мужа, на лавочке у подъезда начинается оживленное обсуждение ее семейной жизни. Но на пересуды соседок ей было наплевать. Главное, она-то знала, что у них с Алешкой все в полном порядке. Почти...

По крайней мере, раньше так было. Теперь все по-другому. «Но маме пока рано знать об этом!» – напомнила она себе и выдавила улыбку:

– Мам, ты каждый раз про него спрашиваешь. Знаешь ведь, что у него отпуск в феврале был. Ну как он мог приехать?

– Понятно, – Галина Петровна была вполне довольна объяснением дочери. И улыбка на лице показалась искренней, неподдельной.

Никита тем временем отвернулся и принялся изучать пейзаж в рамке, подвешенной на стене, напротив дивана. Варя снова ощутила тяжелое чувство вины – ей еще ни разу не приходилось врать в присутствии ребенка. Конечно, это была временная ложь, ложь во спасение. Что с того?

– Ладно, располагайтесь. А я пойду на кухню, борщ разогрею, пирог в духовку поставлю... Твой любимый, Варенька, с лимоном.

– Ты как будто знала, что мы сегодня приедем, – улыбнулась Варя.

– Не знала, но чувствовала, – отозвалась мать и скрылась в дверном проеме. Варя подошла к сыну.

– Ник...

Он поднял глаза. Ресницы едва заметно дрогнули.

– Ты извини меня.

– За что, мама?

– Я ведь неправду бабушке сказала. Мне просто не хотелось расстраивать ее вот так, сразу. Но ты не думай, я не стану долго ее обманывать. И вообще, знаешь, все будет хорошо. Вот увидишь.

Мальчик только кивнул в ответ и молча продолжил изучать обстановку. Варя проводила сына долгим взглядом, достала из сумки вещи и принялась развешивать их в шкафу. Привезенный гардероб был небогатым – по большому счету, она всегда обходилась джинсами, футболками и водолазками. Сложив их на полке, она задумалась – что делать с Никиткиными костюмами? В мамином шкафу не оказалось плечиков для детской одежды.

Эта несущественная проблема внезапно заставила ее ощутить чувство полной беспомощности, незащищенности. Варя стояла возле шкафа, растерянно прижимая к себе школьный костюм сына, и не знала, что ей делать. Еще немного – и она расплакалась бы, наверное, в первый раз поддавшись охватившему ее чувству, в первый раз за все это тяжелое время сознавшись самой себе в том, какая она на самом деле слабая. Слабая, одинокая и несчастная. «Бедная, бедная ты, Варька...» Крупная слеза уже готова была скатиться по щеке, но в этот момент она услышала голос матери:

– Варенька, вы что там притихли?

Варя смахнула слезу, тряхнула волосами и, оглядевшись по сторонам, заметила стул в углу комнаты. Подошла и аккуратно развесила на нем школьный пиджак и брюки Никитки. «Вот и все. Проблемы больше нет!» Схватив с полки первое попавшееся полотенце, она быстро проскользнула в ванную. И вышла оттуда спустя несколько минут – бодрая и посвежевшая. В мамином махровом халате и пушистых тапочках, которые сама дарила Галине Петровне в свой прошлый приезд. Только черные разводы от туши на полотенце остались. Но это не беда – полотенце ведь постирать можно.

– Варенька, как ты замечательно выглядишь! – мать оценила ее старания.

Она снова улыбнулась в ответ. На этот раз улыбка получилась искренней.

* * *

Вечер пролетел незаметно. Галина Петровна суежилась вокруг долгожданных гостей, то и дело подкладывая в тарелки дочери и внуку то картошки в мундире, то соленой капусты, и без конца предлагала отрезать еще по куску пирога. Варя смеялась, а Никита только изумленно поднимал брови:

– Бабушка, неужели ты думаешь, что в меня и правда столько еды поместиться может? А если я лопну?

– А я отойду, – пошутила Галина Петровна, вспомнив какую-то рекламу.

Внук с бабушкой расхохотались, и Варя улыбнулась вместе с ними. Галина Петровна говорила, практически не умолкая. Про картошку, которую на днях собиралась высаживать на даче, про соседку бабку Катерину, которая шесть лет пролежала, парализованная, а в прошлом месяце вдруг поднялась и начала ходить. Про подростков, которые курят в подъезде, и про наглого соседского кота, который пробирается в квартиру через открытый балкон и таскает с кухонного стола то котлеты, то колбасу, то жареную рыбу.

Варя была благодарна матери за то, что та почти ни о чем не расспрашивала ее. Если обращалась с вопросом, то только к Никите, в основном – по поводу его успехов в школе. Он взалхлеб рассказывал про свои пятерки, потом, с подачи Вари, поведал бабушке и о первой двойке, полученной совсем недавно. Не за знания, правда, а за поведение. Но – в дневник.

– Молодец, – бабушка неожиданно похвалила внука. – Двойка по поведению – это нормально. Это даже замечательно.

Брови Никиты удивленно поползли вверх. Он никак не ожидал, что у него такая продвинутая бабушка.

– Как это? А мама меня ругала. И папа ругал.

– Ругали, потому что им так полагается. Они ведь родители...

– Так что же, по-твоему, замечательного в том, что ребенок двойку по поведению принес? – поинтересовалась Варя, строго сдвинув брови. В детстве она не замечала за матерью подобного либерализма.

– А то, что ребенок – он на то и ребенок! – отрезала мать. – Невозможно все время сидеть на месте, как истукан. Повертеться, похулиганить тоже иногда хочется. Тем более, он мальчишка!

– Мама! – попытавшись сделать серьезное выражение лица, строго возразила Варя. – Прекрати, ради бога! Что за методы воспитания?

– Ладно, не ворчи. Я все-таки бабушка, а бабушка должна баловать внука.

Никита, вполне довольный таким оборотом дела, улыбался во весь рот. Теперь взгляд у него снова был прежний – детский, ясный, наивный. Сердце больно сжалось в груди – если бы знать, что так будет всегда!

Варя не стала больше пререкаться с матерью. Взглянув на часы, она ахнула от удивления:

– Ничего себе! Уже почти одиннадцать, а он до сих пор не спит!

Никита, который в лице бабушки успел обрести надежного защитника, сразу же метнулся из-за стола и уселся к Галине Петровне на колени.

– Ну мам, мне совсем не хочется спать. Я в поезде выспался. Давайте еще полчасика посидим. Ну пожалуйста... Мне ведь завтра рано вставать не нужно.

Глаза у Никиты были сонными. Но спать он не хотел никогда. Эта особенность была у него с раннего детства, еще с пеленок – он отчаянно боролся со сном, долго и возмущенно хныкал, а потом засыпал, просто «вырубался», буквально за минуту. И теперь, повзрослев, он всегда неохотно повиновался требованию родителей идти в постель, потому что спать было неинтересно. Всегда хотелось еще поиграть, посмотреть мультфильмы или послушать новую сказку, которую прочитает мама.

– Нет, Никитка. Ты же устал, я вижу. Лучше давай завтра проснемся пораньше и сходим куда-нибудь, погуляем. В парк, например, или на Набережную.

– Завтра – это завтра, – продолжал сопротивляться Никита. Задрав голову, он умоляюще посмотрел на свою союзницу – бабушку, но та совершенно внезапно сдала позиции:

– Мама правильно говорит, малыш. Лучше лечь пораньше, чтобы завтра проснуться пораньше. Тогда день будет длиннее, можно будет многое успеть.

– Зато сегодняшний день будет короче, – сразу выдвинул контраргумент Никита. Но Варя уже тянула его за руку:

– Пойдем, хватит уже пререкаться.

– А ты со мной останешься? – спросил он с надеждой.

– Конечно, я побуду с тобой. До тех пор, пока ты заснешь.

– Спокойной ночи, бабушка, – грустно протянул он.

Галина Петровна расцеловала внука и прикрыла кухонную дверь, чтобы шум воды не помешал ему заснуть.

Расстелив постель на диване, Варя взбила подушки – те самые, на которых сама спала еще в детстве, только наперники на них мама несколько раз уже меняла.

Никита, облачившийся в пижаму, представлял собой зрелище весьма трогательное. Варя всегда испытывала какое-то особенное, пронзительное и ни с чем не сравнимое чувство нежности, когда видела сына в этой розовой фланелевой пижаме в цветочек. Девчачью эту, немного

нелепую пижаму подарила ему в позапрошлом году на день рождения Галина Петровна. Тогда она была велика Никитке, он утопал в ней, а голые ноги, торчащие из-под завернутых штанин, казались слишком тонкими. Теперь же он вырос из пижамы, но ни в какую не собирался с ней расставаться. Несмотря на то, что рукава едва прикрывали локти.

Захотелось прижать к себе сына крепко-крепко, так, чтобы хрустнули косточки. Срастись, стать единым целым, как сиамские близнецы.

– Мама,пусти, мне же больно! – смеясь, он оттолкнул ее от себя. – И почему ты так сильно любишь меня перед сном?

– Дурачок, я всегда тебя люблю. Не только перед сном. Просто ты такой смешной в этой пижаме...

– Ты вообще в пижамах ничего не понимаешь, – немного обиделся сын. – Зато она очень мягкая, и в ней мне всегда снятся хорошие сны.

– Это самое главное, – серьезно ответила Варя. – Чтобы тебе снились хорошие сны. Только хорошие.

– Мам, – Никита забрался под одеяло и свернулся клубком. – Мам, полежи со мной.

– Конечно, мой хороший.

Варя откинула край одеяла и прилегла рядом с сыном. Давно уже прошло то время, когда она читала ему перед сном сказки. Теперь Никитка читает сам, правда, не больно любит это занятие, предпочитая, как и большинство современной «молодежи», компьютерные игры и видео-фильмы. Сколько ни пыталась Варя привить сыну любовь к книгам, пока у нее это получалось плохо.

– А у бабушки хорошо, – поделился сын своими впечатлениями. – И двор хороший. Там качели есть. Правда, они почти сломанные...

– Да, на этих качелях я еще в детстве каталась. Они очень старые, им почти столько же лет, сколько и мне.

– Ты не старая, – возмущенно вскинул брови Никита.

Варя тихо улыбнулась.

– На самом дела, двор здесь хороший. И школа поблизости.

Никита тяжело вздохнул, и она пожалела, что затронула болезную тему.

– Мы когда туда пойдем записываться? Завтра?

– Завтра не получится. Нужно еще прописку оформить, на это примерно неделя уйдет. Не переживай, за эту неделю во дворе успеешь со всеми своими будущими одноклассниками познакомиться. А когда в школу пойдешь, у тебя уже там куча друзей будет.

– Хорошо, если так, – неуверенно протянул он в ответ. – А все-таки, я по Мишке скучать буду. И по Владу. И даже по Ленке, хоть мы с ней и дрались все время.

– Ну, не переживай. Мы же договорились, что ты летом поедешь к папе на недельку. Увидишь и Мишку, и Влада, и Ленку свою.

– Она не моя, – фыркнул Никита. – Она с Игорем дружит. А со мной только дерется.

Голос у него был уже сонный. Варя чувствовала – еще пара минут, и сын заснет. Она вдруг поняла, что ей хочется оттянуть этот момент. Что она до сих пор не готова к тому, чтобы остаться с матерью наедине и обо всем ей рассказать.

Стало страшно, как в детстве. Когда появлялась в дневнике двойка. Когда пачкалась только что постиранная и выглаженная мамой юбка. Когда ломалась нечаянно новая игрушка...

«Чушь какая, – она попыталась взять себя в руки. – Пора бы уже повзрослеть».

Никита засопел рядом. Она с нежностью провела пальцами по его волосам, прикоснулась губами к теплой щеке. Подождав еще минуту, решительно откинула край одеяла и поднялась постели.

Галина Петровна на кухне уже закончила мыть посуду. Варя вошла неслышно и опустилась на табуретку. Мать тихо спросила:

– Заснул уже?

Варя кивнула. Сердце стучало, как перед экзаменом.

– Мам, я хотела с тобой поговорить...

Она набрала в легкие побольше воздуха, но ничего не успела сказать.

Галина Петровна обернулась, и по ее лицу Варя вдруг поняла, что ничего объяснять не нужно. Что мать уже давно все знает – возможно, еще с порога, увидев дочь и внука, поняла, что приехали те навсегда.

– Да что говорить-то. Ты ведь знаешь, я ждала этого. Знала, что рано или поздно ты вернешься.

– Вот, вернулась, – только и смогла вымолвить она в ответ и почувствовала, что по щекам заструились слезы. Злые, колющие слезы...

Мать подошла, обняла сзади.

– Ну что ты, дочка. Не надо так. Ты сильной быть должна. Тебе нельзя по-другому.

– Я знаю, мама. Знаю... Только сильной быть тяжело.

– А никто и не говорит, что легко. Но ты не думай, я помогу тебе. Я все сделаю...

– Мама, – Варя всхлипнула, как в детстве, – мама, какая же ты у меня замечательная! А я ведь думала, что ты ругать меня будешь. За то, что я тебя не послушалась сразу. Ведь ты мне всегда говорила... А я столько лет ждала, что что-то изменится.

– Люди не меняются. Поверь, Варенька, как бы нам не хотелось кого-то изменить, от нас это не зависит. Порой это не зависит даже от самого человека, который хочет измениться. Из всех сил старается, только не получается ничего... А Никитка? Никитка-то как все это пережил?

– Тяжело, – честно призналась Варя. – Очень тяжело. Ты ведь знаешь, как сильно он к отцу привязан. Да и Лешка жить без него не может. Только что теперь об этом говорить?

Варя смахнула с лица слезы и глубоко вздохнула. Осторожно убрав с плеча руку матери, поднялась и подошла к окну. Там, за окном, стояла уже тихая апрельская ночь. Ветки деревьев едва заметно раскачивались в такт дуновению легкого ветра. Линия горизонта, усыпанная огнями, словно сверкающее ожерелье, мягким полукругом тянулась вдоль далекого правого берега Волги.

– Лед уже сошел? – спросила она, вспоминая, как однажды в детстве, поспорив с одноклассниками, дошла по тающему, серому в голубых прожилках, весеннему льду, почти до середины реки. Как едва не утонула, провалившись в трещину. Кажется, в апреле это и было.

– Нет еще. Зима в этом году очень холодная была. Весь февраль двадцать с лишним градусов.

– У нас тоже холодно было.

Галина Петровна вздохнула.

– Варя, ты скажи, как жизнь свою устраивать собираешься? Жить, оно понятно, здесь будете. Ну, а все остальное? Где работать будешь, подумала?

– Ой, мам, не спрашивай, – отмахнулась Варя. – Ты мне на большую мозоль наступаешь.

Вопрос о работе и правда был для нее «больной мозолью». Десять лет назад она бросила институт, не доучившись всего лишь последний курс, вышла замуж и уехала в Москву. В тот момент она и не задумывалась, что диплом может ей когда-то пригодиться. В тот момент она вообще не задумывалась ни о чем. Лешка твердо пообещал, что работать ей вообще не придется, что он сможет обеспечить семью и ребенка, которого в тот момент уже носила она под сердцем. В принципе, свое обещание он сдержал. За годы замужества Варя даже не задумалась о том, чтобы поискать себе работу. Все свое время она отдавала сыну и мужу. И ничуть не

страдала от этого, как страдают многие женщины, мечтающие что-то доказать миру, сделать головокружительную карьеру. Семейный покой и уют всегда были для нее самым важным.

В той, прошлой жизни.

Теперь все изменилось.

– Варя, у тебя замечательная специальность, – Галина Петровна прервала ее размышления. – Конечно, жаль, что ты не закончила последний курс института. Но ведь ты всегда училась на «отлично». Может быть, тебе попытаться восстановиться и сдать экзамены экстерном?

– Мама, ну что ты такое говоришь! – отмахнулась Варя. – Училась я на «отлично», между прочим, десять лет назад. И даже если бы я в свое время закончила институт, какая разница? Везде нужны специалисты с опытом работы. Тем более – психологи. Это ведь не секретарем работать, чай наливать, да бумажки с места на место перекладывать. Нет, думаю, едва ли мне стоит пытаться найти работу по специальности...

Варя вздохнула. На самом деле, в свое время в институте она была одной из лучших студенток. Зачетка сверкала пятерками, преподаватели пророчили ей блестящее будущее. «Ты очень тонкий психолог, Варя, – вспомнила она слова любимого преподавателя. – Ты от природы – психолог. Теория – ничто, если у человека нет внутренней чувствительности, гибкости. У тебя все это есть. И глаза у тебя добрые. Не смейся, это в нашей профессии очень важно! Диплом значит гораздо меньше...»

Диплом она так и не получила. А глаза... Вполне возможно, что они до сих пор остались «добрыми». Что с того? Кому нужен психолог без образования, но с добрыми глазами?

– Думаю, никому, – с грустной усмешкой она ответила вслух на вопрос, который задала сама себе.

– Ты о чем? – не поняла мать.

– О том, что у меня, как говорил Павел Николаевич – помнишь, мой любимый профессор – глаза добрые. А образования и опыта работы нет никакого. Так что, мама, думаю, не стоит думать об этом. Гораздо проще подыскать работу в сетевом маркетинге.

– Это косметикой, что ли, торговать? – всерьез оскорбилась Галина Петровна. – Да ты что, Варька, совсем, что ли, с ума сошла?

– Не обязательно косметикой. Можно еще продавать утюги, разные массажеры и прочую фигню.

– Вот именно – фигню!

– А больше ничего и не остается. Впрочем, уборщицей или продавцом на лоток с «ножами Буша», думаю, меня тоже возьмут.

– Вот ты смеешься, – заметила Галина Петровна. – А между прочим, у нас в Саратове одна дамочка открыла свой собственный центр психологической поддержки. Француженка.

– Француженка? – удивилась Варя. – У них что, во Франции, своих проблем нет?

– Есть или нет – не знаю. Наверное, здесь проблемы поинтереснее. Позабористее.

– Да, – согласилась Варя. – У меня, кстати, мама, у самой – проблемы. А ты предлагаешь мне чужие решать.

– Так вот, – Галина Петровна не захотела отвлекаться от заинтересовавшей ее темы. – Эта дамочка... Как же звали ее? Кристина Легран. Ты не слышала о ней?

– Кажется, слышала, – с трудом припомнила Варя. Она, на самом деле, читала в каком-то журнале про француженку, которая приехала в Россию и открыла в провинциальном городе крупный психологический центр. Таких даже в столице нет. Судя по интервью, дамочка из Франции была не глупа и очень профессиональна.

– Да, теперь я вспомнила... Читала пару лет назад про эту француженку. Молодец, что скажешь.

– Я, конечно, понимаю, что это не для тебя. Чтобы такой центр открыть, большие деньги нужны.

– Очень большие. И потом, мама, я и бизнес – понятия несовместимые.

Мать кивнула:

– Ладно, что-нибудь придумаем. Без работы не останешься, не переживай. У меня одна хорошая знакомая директор школы. Завтра позвоню ей, узнаю – может, им психолог нужен.

– Без образования, – Варя развела руками.

– Посмотрим, – упрямо повторила мать. – Ну, а с Никитой что решила? В какую школу отдавать будешь?

– Наверное, в ту, где и сама училась. Здесь рядом, сам ходить будет, чтобы у тебя лишних хлопот не возникало.

Галина Петровна кивнула, соглашаясь:

– Хорошая школа. И учителя там хорошие. Нужно будет завтра же сходить и написать заявление.

– Так ведь у нас пока прописки в городе нет...

* * *

Уже далеко за полночь кухонные посиделки наконец закончились. Выпив напоследок еще по чашке чая, Варя с матерью разошлись.

– Все будет хорошо, дочка. Вот увидишь, все в твоей жизни сложится просто замечательно! – заверила ее на прощание Галина Петровна.

– И тебе спокойной ночи, мама, – с грустной улыбкой на лице ответила Варя.

Бабушка отправилась спать к внуку, а Варя расстелила постель на кухне, на раскладушке. Никаких возражений от матери она принимать не стала. Она и без того чувствовала себя немного неловко, свалившись, как снег на голову, поэтому создавать неудобства ей не хотелось.

Когда в соседней комнате все стихло, Варя тихонько поднялась с постели, приблизилась к двери, слегка приоткрыла ее и прислушалась. Затем так же тихо и осторожно закрыла дверь. Как тень, скользнула к подоконнику, достала из кармана пачку сигарет и, торопливо чиркнув спичкой, глубоко затянулась.

За окном раскинулась черная ночь. Редкие фонари скупым и желтым светом освещали влажно блестящий, покрытый островками весеннего льда, асфальт. Вдалеке, вдоль линии правого берега, по-прежнему сверкали бусинки огней.

Ей почему-то показалось странным это ночное спокойствие окружающего мира. Дождь и ураганный ветер, пожалуй, гораздо больше бы подошли сейчас в качестве фона. Ненастье за окном намного удачнее отражало бы то, что творилось сейчас в ее душе. В ее жизни.

Но та апрельская ночь выдалась спокойной и тихой. Как будто в насмешку...

Прикрыв окно, Варя скользнула под одеяло. Зажмурила глаза в тоскливом предчувствии: едва ли удастся уснуть. Все те же картины, которые виделась ей в ночном вагоне, те же чувства, что бередили душу совсем недавно под стук колес, снова не давали покоя. Она отчаянно пыталась заставить себя не думать. Не думать вообще ни о чем. И изо всех сил сжимала веки, зная, что стоит ей открыть глаза – и прямоугольник света на потолке снова превратится в чистое полотно, на котором она до самого утра будет рисовать печальные картины, выбирая из всей возможной палитры красок только один цвет – серый...

Так и случилось. Серые тени качались на потолке, она напряженно следила за ними взглядом, уже перестав бороться с собой.

Заснуть ей удалось только под утро. Даже не заснуть, а впасть в полузабытье, лишь отдаленно напоминающее сон. Она словно провалилась в какую-то яму с песком. Песок застилал глаза, забивал легкие. Невозможно было дышать. Отчаянно хотелось крикнуть, но и кричать тоже было невозможно. Силы уже покидали ее, но в этот момент Варя вдруг почувствовала чье-то теплое и нежное прикосновение.

Кто-то взял ее за руку и потянул за собой. Медленно, шаг за шагом, сантиметр за сантиметром – она все же выбиралась из черной и страшной ямы.

– Мама, – послышался голос совсем неподалеку. Ей все же удалось открыть глаза...

– Мама, ну сколько же можно спать? – сын стоял рядом и хлопал длинными белесыми ресницами. – Ты ведь сама вчера сказала, что нужно лечь пораньше для того, чтобы пораньше встать. А теперь спишь, соня! Вставай, уже почти десять...

Варя прищурилась от яркого света. Солнце светило в окно совсем по-летнему, не соблюдая никаких весенних «правил приличия». Новый день так и искрился всеми цветами радуги, в который раз демонстрируя полное несоответствие ее внутреннему состоянию.

«Какие все заботливые», – Варя с детской обидой отвернулась от окна, почти всерьез подумав, что солнце нарочно светит сегодня так ярко, словно сговорилось с мамой, которая накануне заверила ее, что все в жизни сложится замечательно. Ерунда, какая связь может быть между ее жизнью и погодными явлениями?

Она потянулась в постели и сразу же встала.

– Вот так, – одобрил сын. – А теперь марш в ванную, чистить зубы и умываться! А мы с бабушкой пока завтрак приготовим!

В его глазах плясали веселые чертики. Ему, кажется, нравилось чувствовать себя мужчиной. Единственным мужчиной в доме.

– Ну что ты раскомандовался, – Варя улыбнулась. – Уж и поспать нельзя. Подумаешь, десять часов. Ты в выходные и позже встаешь иногда.

– Я маленький, мне можно.

– Тебя не переспоришь...

Варя быстро собрала постель, сложила раскладушку и вынесла ее на балкон. Галина Петровна, видимо, проснулась уже давно и теперь сидела в очках перед телевизором. Пальцы быстро и проворно работали спицами, синий клубок шерсти на полу ритмично подпрыгивал.

– Доброе утро, мама.

– Проснулась уже, дочка? А я вот решила Никитке свитер связать. Все-таки, апрель холодный, да и в мае еще прохладно будет.

– И как это у тебя получается, – в который раз удивилась Варя, замечая, что мать почти и не смотрит на вязание. Сама она сколько раз пыталась вязать и смотреть телевизор одновременно. Но петли все время сползали со спицы, потом приходилось их очень долго ловить, снова нанизывать в ряд, а иногда и вовсе распускать связанный кусок и начинать все сначала.

– Да в этом ничего нет сложного. Со временем и у тебя получится, здесь просто опыт нужен. Что на завтрак приготовить?

– Не беспокойся, завтрак я приготовлю сама. Никитка мне поможет. Он, знаешь, какую вкусную глазунью делает! Желтки всмятку, по краям – кружева...

Варя заметила в дверном проеме довольное лицо сына.

– Тебе сколько яиц разбить, бабушка?

– Парочку, – рассмеявшись, ответила Галина Петровна.

Варя зажгла на плите. На этом ее миссия по приготовлению завтрака закончилась. Она спокойно ушла в ванную, зная, что с приготовлением «кружевной» глазуньи сын справится блестяще и без нее.

* * *

Прохладная вода стекала по телу и словно бы возвращала к жизни. Варя задумчиво разглядывала, как кружится у ног в медленном и замысловатом танце мыльная пена и снова, в который раз уже, пыталась понять, правильно ли она поступила.

Мысли о будущем не давали покоя. Впервые в жизни она чувствовала себя такой беспомощной и такой одинокой. Чувства легкости, которое она надеялась испытать, решившись наконец на разрыв с мужем, не было. Солнечное утро нового дня не обещало ничего, совсем ничего хорошего. «Неужели так будет всегда?» – ужаснувшись от этой мысли, она в который раз повторила про себя: время лечит. Лечит всех, а значит, дойдет очередь и до нее. Только бы хватило терпения.

В первую очередь, конечно же, нужно всерьез заняться поисками работы. Дело даже не в том, что теперь ей придется самостоятельно обеспечивать себя и сына. Работа – Варя чувствовала это – должна стать ее спасением. Она должна вытеснить из души тоскливые воспоминания и сожаление о том, что она сделала. Или о том, почему не сделала этого раньше. Ей просто некогда будет об этом думать, некогда будет смаковать печальные подробности неудавшейся жизни и мучить себя бесконечными вопросами, на которые нет ответов. Главное, чтобы работа была поинтереснее и отнимала как можно больше времени.

Варя отключила воду в кране и грустно усмехнулась. Почти десять лет прошло с тех пор, как она бросила университет. В свое время, обучаясь на факультете психологии и будучи одной из лучших студенток, она была твердо убеждена в том, что психология – наука прикладная. Что вся теория, которую так тщательно и с таким интересом она штудировала в течение четырех лет, может с успехом применяться на практике.

Она думала, что душу можно лечить. Как заболевшего гриппом или ангиной ребенка. Как птицу с подбитым крылом. Она старательно штудировала научные труды по психологии – классические и современные, изучала популярные методики и способы терапии. Раскладывала по полочкам полученные знания, представляя себе то время, когда закончит она университет и станет терапевтом человеческой души.

Но получилось так, что первой заболевшей душой оказалась ее собственная. И вот теперь она в растерянности следила за тем, как скручивается тонкой змейкой мыльная пена вокруг сливного отверстия ванной, понимая, что не в силах себе помочь. Оставалось только одно – ждать. Ждать, когда время сжалится над ней и сотрет из памяти все то, что забыть невозможно.

«Когда это будет?» – подумала она тоскливо и, замотавшись в махровое полотенце, вышла из ванной.

– Завтрак готов! – послышался из кухни ликующий возглас сына. И почти в то же время она услышала громкий зов Галины Петровны:

– Варя! Варя, иди скорее сюда! Ее по телевизору показывают...

– Кого? – Варя растеряно замерла, не зная, куда ей теперь направляться.

– Ну, ее, ту самую француженку! Кристину! Да иди же ты скорее!

Опустившись на диван, Варя добросовестно уставилась на экран телевизора. Никакой «мадам» она сперва там не увидела. Показывали здание в центре города. Красивое современное офисное здание, отстроенное, судя по всему, не так давно. Варя сразу вспомнила, что несколько лет тому назад в этом районе города был частный сектор. Не больше пяти лет прошло с тех пор.

Над входом красовалась вывеска. Объемные синие буквы на белом фоне – «Реабилитационный психологический центр». Камера, скользя вдоль отштукатуренных стен, быстро переместилась по широкому коридору и обвела взглядом просторный холл. Послышался голос за кадром:

– Вы испытываете душевные страдания... Не важно, чем они вызваны. Вы уверены, что вам некуда и не к кому обратиться... Весь мир вышел из доверия... Так бывает...

Варя грустно усмехнулась: «Кажется, это как раз про меня».

Голос ведущей казался приятным и успокаивающим. Но Варя почему-то внутренне сопротивлялась этому спокойствию и умиротворенности ее интонаций. Как воспротивилась ярко

сияющему солнцу и безоблачному синему небу, так сильно диссонирующим с ее собственным мироощущением.

– Кажется, вы переживаете кризис, – продолжила ведущая. – Но молчать, делать вид, что ничего не случилось, или убеждать себя в том, что вас вылечит время – все это, по меньшей мере, вредно.

– Мам, ты зачем меня сюда позвала? – Варя поморщилась, не в силах справиться с охватившим ее чувством неприятия. – Зачем мне все это слушать?

– Да ты подожди, – ласково попросила Галина Петровна, – подожди немножко, я просто хочу, чтобы ты на нее посмотрела.

Варя вздохнула и попыталась взять себя в руки.

– Молчание, переживание «в себе» постепенно разрушает вас и круг вашего общения. Есть ли выход из ситуации? Конечно, есть – вам следует обратиться к профессиональному психологу. Поверьте, не разрешимых проблем не бывает! Здесь, в реабилитационном психологическом центре Кристины Легран, вас внимательно выслушают. И, поверьте, вам обязательно помогут...

– Мам, – взорвалась Варя, поднимаясь с дивана. – Мне ни к чему все это слушать! Если ты думаешь, что мне необходимо обратиться к специалисту, вспомни, пожалуйста, о том, что я сама немного специалист в этой области! Сама как-нибудь с собой справлюсь, и не надо мне...

– Представляем директора и основателя центра – Кристину Легран, – снова послышался голос ведущей, и на экране появилось лицо молодой женщины.

Темно-карие глаза смотрели открыто и прямо. Коротко подстриженные русые волосы обрамляли правильный овал лица, а на правой щеке, ближе к виску, была заметна небольшая темная родинка.

Варя смотрела на эту родинку и не верила своим глазам.

В это вообще невозможно было поверить. Это было просто непостижимо...

– Она похожа на Бриджит Нильсон, – послышался, словно издалика, голос матери.

– На Бриджит Нильсон, – механически повторила Варя. – Да, ты права, она всегда была на нее похожа...

– То есть как это – всегда? – Галина Петровна, оторвавшись от вязания, вскинула на дочь удивленные глаза. – Ты что, раньше ее знала?

Варя ничего не ответила. Она продолжала смотреть на экран и пыталась понять, не приснилось ли ей все это.

Но нет – и в самом деле, с экрана телевизора на нее смотрела Кристина. Кристина Курочкина. Та самая Кристина, которая училась вместе с Варькой в университете, которая была самой близкой подругой... И которая так странно и необъяснимо исчезла десять лет тому назад.

Вот ведь, как в жизни бывает...

* * *

– Так не просто тупиковую жизненную ситуацию превратить в триумф... Ну ладно, может быть, хотя бы в небольшую победу. А если вспомнить, ведь каждой или каждому из нас, хотя бы однажды, удавалось это сделать. И мы начинали жизнь сначала. И это было здорово...

Протянув руку, Кристина дотянулась до пульта и выключила телевизор.

«Ужасно, просто ужасно!» – она досадливо поморщилась и, поднявшись из-за стола, подошла к бару. Кто бы знал, что она, «супер-психолог», та самая Кристина Легран, которая реально помогла уже сотням людей выйти из глубокого кризиса, до сих пор, дожив уже почти до тридцати лет, страдает от детских комплексов! Кто бы мог подумать – такое?

Она по привычке запустила пальцы в волосы и взъерошила непослушный мальчишеский «ежик» жестких волос. Открыла дверцу бара, достала бутылку «Хенесси» и маленькую рюмку из тонкого стекла. Покосившись на дверь, убедилась, что она заперта. Спокойно прошла к столу и быстро, одним глотком, опрокинула внутрь темно-коричневую горячую жидкость. Тепло заструилось вниз по пищеводу и почти сразу разлилось, заполнив собой каждую клеточку тела. «Как заправский алкоголик!» – усмехнувшись, она мысленно прокомментировала свои действия и проделала их в обратном порядке.

В принципе, она привыкла быть сильной. А в том, что гораздо проще помочь кому-то другому, чем себе самой, убедилась уже давно. Больше десяти лет назад, когда была еще совсем молодой, глупой девчонкой. Когда впервые столкнулась лицом к лицу с жизнью и поняла, что жизнь – это страшная штука.

Десять лет прошло, а она до сих пор все еще зализывает раны. А раны не заживают. Застывают тонкой пленкой, только пленка эта непрочная, недолговечная. Одно легкое прикосновение – и снова кровоточат эти раны, и снова приходится начинать все сначала и убеждать себя в том, что ты сильная. Что ты справишься, переживешь... Блуждая по темным лабиринтам собственной боли, лечить чужую боль и уповать только на время, которое, возможно, когда-нибудь все же сжалится над тобой и вылечит ее. Ту боль, которая твоя. Которая поселилась внутри, основательно и надолго, почти срослась с душой, вытеснив из нее все остальные чувства. Те, что обитали в ней, в душе, прежде. Светлые, легкие, живые.

Кристина посмотрела на часы. До конца рабочего дня оставался еще почти целый час. Прием посетителей закончен, передачу она посмотрела. Не до конца, правда – не выдержала, в очередной раз разозлившись на себя за то, что перед камерой держаться так и не научилась, что глаза у нее грустные и тоскливые. «Вместо рекламы – антиреклама, – усмехнулась Кристина, вспоминая свои глаза, которые смотрели с экрана телевизора. – Здесь же не надо быть узким специалистом, чтобы поставить диагноз. Вам, уважаемый доктор, самой не мешало бы к доктору обратиться... И даже не к психологу, а к психиатру. Вылечить все свои фобии-мании, а потом уже браться людям помогать...»

Разложив бумаги на столе, она бросила взгляд на монитор. Пробежала глазами по строчкам набранного текста и, решив, что подготовку специальных тестов для центра планирования семьи можно будет закончить завтра, закрыла программу. Компьютер послушно выполнил ряд указанных операций, и монитор погас. Кристина обвела глазами свое рабочее место – как всегда, там был идеальный порядок. И это тоже была часть ее образа. Придуманного образа сильной деловой женщины, «железной леди», профессионально владеющей секретами исцеления человеческих душ. Образ был продуманным и завершенным. Только вот глаза – глаза ее иногда выдавали. Глаза – зеркало души, из этого зеркала на нее смотрела по-прежнему девятнадцатилетняя девчонка. Растерянная, перепуганная, наивная и глупая Кристина Курочкина. Не чета сегодняшней мадам Легран.

Она снова покосилась туда, где поблескивала янтарем коньячная бутылка. «Спиваетесь, госпожа, – строго сказала себе и нажала на кнопку внутренней связи. – В мире полно проблем. Оглянись вокруг – насилие и жестокость в семье, алкоголизм, СПИД, наркомания, террор... Что в сравнении с этим – одна единственная, давным-давно случившаяся несчастная любовь? Капля в море...»

– Алина, отмени, пожалуйста, мою завтрашнюю встречу. Перенеси ее на пятницу или, если можно, на следующий понедельник.

– Хорошо, Кристина Анатольевна, – прозвенел в трубке серебряный голосок.

Кристина отключилась. Достав из сумочки зеркальце и губную помаду, уверенным росчерком провела ровную насыщенно-розовую линию вдоль нижней губы. Сомкнула губы, привычно распределяя помаду.

Ей ужасно хотелось поскорее домой. Принять теплую ванную, потом ополоснуться под ледяным душем, выпить чашку горячего зеленого чая с медом. Проглотить таблетку снотворного, чтобы наверняка уже заснуть, включив на максимальную мощность кондиционер и укрывшись почти с головой теплым пледом. Обходиться без снотворного она не могла уже давно. Почти десять лет назад, спасаясь от реальности, она глотала эти таблетки днем и ночью. А теперь привыкла и уже не засыпала без лекарств.

Застегнув «молнию» на сумке, она расправила юбку на коленях и уже направилась к выходу, но в это время зазвонил телефон. Зазвонил совсем некстати, отдаляя мечту о теплой ванне и горячем чае. Кристина вздохнула и вернулась за стол.

– Я слушаю.

– Вам звонит Герман Константинович Самойлов. Соединить или...

– Соедини, – ответила Кристина, почти не задумываясь. Мелькнула мысль: «Надо же, позвонил», – и в следующую секунду она услышала его голос.

В памяти сразу возникло лицо – глубокие серые глаза с лукавым прищуром, открытый лоб, жесткий подбородок.

Что-то было в его глазах. Что-то такое, что заставляло на миг усомниться в правдоподобии черно-серой палитры окружающего мира. В том, что мир безраздельно жесток, что жизнь неумолима, а чувства – всего лишь удел чудаков, позабывших снять розовые очки.

Но только – на миг. А потом она снова вспоминала жуткие картины десятилетней давности, и все вставало на свои места. Теплый взгляд серых глаза снова показался обманом. А она снова становилась прежней стервозной дамочкой, которая видит в мужчинах только объект удовлетворения своих потребностей. Самых разнообразных, не только и не столько физиологических. Снова превратилась в стерву, которая использует мужчин. Которая ими *пользуется*.

– Здравствуй, Кристина.

Голос был спокойным и тихим. Она собралась внутренне, снова провела пальцами, как расческой, по волосам, и ответила так же спокойно и тихо:

– Здравствуй, Герман.

– Вот, решил все-таки позвонить тебе. Мне кажется, вчера мы не все обсудили.

– Возможно, – тон ее по-прежнему оставался официальным.

Накануне вечером у них с Германом состоялась деловая встреча по поводу организации групп психологической поддержки для детей-сирот. Самойлов в течение десяти лет работал в детском доме, последние четыре года – уже в качестве директора. Разные психологические штучки – тренинги, семинары, социальный патронаж, тестирование, группы психологической поддержки для школьников – в последнее время стали исключительно популярны в образовательной среде. Далеко не в каждом случае в этом имела практическая необходимость – скорее, это была дань моде. Кристина это прекрасно понимала, однако всегда шла навстречу клиентам.

Но случай с Самойловым оказался особенным. Сразу, с первых минут общения, Кристина поняла, насколько сильно в этом человеке желание что-то изменить. Как будто эти дети, за которых он так тревожится – его собственные. Это удивило ее и заставило присмотреться к клиенту внимательнее.

Деловая встреча затянулась на два часа. Где-то в середине они перешли на «ты», а потом, когда Герман, вдохновленный ее идеями, вышел из кабинета, Кристина долго пребывала в меланхолической задумчивости, прислушиваясь к себе, пытаясь понять, что же с ней не так.

Мысль о том, что она снова окажется способной испытать то самое чувство, которое много лет подряд она проклинала, казалась ей абсурдной. Ведь она знала, что плата за любовь может оказаться слишком высокой. Непомерно высокой. Она, любовь, того не стоит.

Не стоит...

Но почему-то она обрадовалась, что Герман снова позвонил. И даже сказала ему об этом. Правда, все тем же ровным голосом и официальным тоном:

– Я рада, что ты позвонил.

Получилось как-то странно. Формально, несмотря на то, что говорила она искренне. Подумает еще...

«Пусть думает, что хочет!» – оборвала она себя и добавила, немного смягчив интонации:

– Очень рада.

– Замечательно. Значит, я не зря позвонил. Послушай, ты не будешь против, если наша встреча состоится не у тебя в кабинете, а в менее официальной обстановке? К примеру, в ресторане. Я знаю один абсолютно замечательный ресторан...

Он так и сказал – «абсолютно замечательный». И это заставило ее улыбнуться.

– Нет, я совсем не против. Если хочешь, можешь заехать за мной на работу. Я сегодня как раз без машины.

– Вот и хорошо, – в телефонной трубке она ясно услышала вздох облегчения. Он вздохнул совсем по-мальчишески. Как будто и правда этот тридцатилетний мужчина впервые в жизни назначал свидание женщине.

Кристина снова улыбнулась и повесила трубку. Подойдя к окну, она раздвинула жалюзи и зажмурилась от ослепившего ее света вечернего солнца. Странно, но почему-то сейчас ей не хотелось быть стервой.

Верилось в это с трудом. Воспоминания снова накатили тяжелой и мутной волной. Она едва не захлебнулась в этой горькой мути, полностью утратив на какое-то время чувство реальности. И вдруг почувствовала, что ей страшно.

«Напрасно, напрасно я все это затеяла!» – мысленно простонала она. Достав из сумки зеркальце, придирчиво оглядела себя. Все та же девочка-мальчик с круглыми карими глазами и жестким ежиком волос. Упрямая, дерзкая. Только вот взгляд – как у побитой собаки. Стоит ли снова испытывать судьбу?

«Брось, – шепнул внутренний голос. – Не нужно ко всему так серьезно относиться. Пора бы уже перестать бояться мужчин. Давно пора. Ведь они не все такие. Не все – такие, как он...»

Кто знает, отмахнулась Кристина. Ведь О НЕМ она тоже не могла такого подумать. А оказалось...

Она уже потянулась к телефону, чтобы позвонить Герману и отменить свидание. Пускай, черт возьми, примет ее за сумасбродную истеричку. Пусть думает, что хочет. У нее просто нет сил преодолеть в себе этот страх. Забыть, отбросить в сторону, как ненужный хлам, свое прошлое. Может быть, кому-то это удастся. Многим удастся – Кристина знала это по собственному опыту практикующего психолога. Она всегда находила нужные слова для того, чтобы убедить человека: прошлое – это всего лишь прошлое. Оно уже было, а значит, теперь его нет. Но есть другая, новая жизнь, которая может сложиться так, как человек сам того захочет. Что все от него, от человека, зависит...

Почти всегда ей это удавалось. Люди верили ей и начинали потихоньку свою новую жизнь. Делали первые робкие шаги, а потом начинали ступать все увереннее. Кристина радовалась. Она радовалась за каждого, кому ей удавалось помочь. И никто из них, благодарных ее пациентов, понятия не имел о том, что сама она вот уже десять лет не может набраться смелости и шагнуть из прошлого в настоящее. Если бы кто-то узнал – наверное, не поверил бы.

Но в тот момент, когда Кристина уже почти коснулась трубки, телефон зазвонил сам. Она даже вздрогнула от неожиданности, ощутив какой-то мистический страх. «Не нужно было в юности так увлекаться Стивеном Кингом», – усмехнулась она и спокойным голосом произнесла дежурную фразу:

– Я слушаю, Алина.

– К вам посетительница.

– Время для посещений закончено. У меня есть расписание приема, – проговорила она с некоторым раздражением. – Ты ведь знаешь, что я принимаю только в установленные часы по записи.

– Но она по личному вопросу, – робко пробормотала секретарша.

– Кто такая?

Кристина немного удивилась. Подруг у нее не было, не то что близких, вообще никаких. Никто из знакомых не стал бы звонить на работу и пытаться устроить встречу через секретаря.

– Антонова ее фамилия, – после недолгой паузы назвала секретарша.

Кристина покосилась на часы. Совсем скоро придет Герман. Нет, никакие посетители сегодня в ее планы уже не входят. Даже если по личным вопросам... Тем более, фамилия ей ни о чем не говорила. Наверняка, какая-нибудь настойчивая дамочка придумала таким образом устроить себе консультацию вне очереди, решив, что ей необходима экстренная психологическая помощь.

– Перенеси на завтра. Я не могу сейчас никого принять. Скажи, что меня нет... Если что, в нашей службе существует телефон доверия. Есть дежурные специалисты, которые принимают по экстренным вопросам круглосуточно... Ты ведь все это знаешь, Алина! Ну почему, скажи, я должна тебе все это говорить?

– Хорошо, Кристина Анатольевна, – секретарша отключилась.

– Антонова, – вслух проговорила Кристина, попытавшись вспомнить, не было у кого-то из ее постоянных клиенток такой фамилии. Нет, не было. Хотя, разве всех их упомянешь?

Отмахнувшись от мыслей о работе, она снова посмотрела на часы и достала из сумочки пудреницу. Появившаяся в офисе посетительница оказалась кстати – телефонный звонок отвлек Кристину от тяжелых раздумий. Чувство неуверенности и страха исчезло, словно его и не было вовсе. «Все к лучшему», – мысленно проговорила она и прикоснулась к лицу кисточкой. Едва заметная сеточка морщин вокруг глаз к вечеру всегда проступала наиболее отчетливо. Но пудра была замечательной, очень высокого качества. Один взмах кисти – и морщинок, как не бывало, а цвет лица идеальный и ровный.

Снова зазвонил телефон. Кристина мысленно выругалась, чувствуя, что сейчас последует продолжение истории с посетительницей.

И она не ошиблась.

– Кристина Анатольевна, эта девушка говорит, что ей необходимо вас увидеть. Что ее фамилия Антонова, Варвара Антонова, и вы ее знаете... Вернее...

– Я тебе уже все сказала, Алина! – почти прокричала в трубку Кристина. Вообще-то подобный стиль общения с подчиненными был ей чужд. Срывалась она крайне редко, объективной была всегда, а свое плохое настроение воспринимала исключительно личной, никого не касающейся, проблемой.

Она швырнула трубку на аппарат и снова раскрыла зеркальце.

«Варвара Антонова», – навязчивый рефрен не отпускал. Настойчиво теребил память, пытаясь достать, дотянуться до самых потайных ее уголков.

«Варвара. Имя-то какое редкое. Антонова. Антонова Варя. Варя. Варька...»

Зеркальце упало на пол. Кристина уже бежала в приемную, забыв обо всем, что еще минуту назад казалось важным.

* * *

Мелкий и колючий апрельский дождь стучал в лобовое стекло. Утреннее солнце, которое светило совсем по-летнему, теперь казалось лишь капризом воспаленного воображения. Сном, который растаял. Серая муть, опустившаяся на город, растушевала все весенние краски.

Хотя этот серый мир и капли мертвого хрустали, разбивающегося на тысячи мелких осколков о лобовое стекло машины, все же казался Герману более настоящим. Сумрачность неба, хмурые взгляды прохожих, зябко сжимающих плечи под крышами-зонтами, тяжелый и неритмичный стук капель о стекло – как часто он ловил себя на мысли о том, что по-другому и быть не может. Солнце и радость человеку только снится, а, просыпаясь, он видит мир, окрашенный серым, и это – его естественный цвет.

«Серебро Господа моего, – доносилось из динамиков, – серебро Господа...»

Да, пожалуй, так оно и есть, подумал Герман. Серебро Господа, и цвет его – серый. Человек – странное существо. Родившись на свет, рано или поздно он приходит к мысли о том, что непременно должен быть счастливым. Именно в этот момент и начинаются все беды. Эта глупая мысль, что счастье в любом случае должно состояться, залететь ярkokрылой птицей в окно и поселиться себе спокойно в клетке – как смертельный яд, капля за каплей попадает в вены и разрушает человека изнутри. А уж если и правда случается в жизни такое, когда птица эта капризная случайно приземлится у тебя на подоконнике, тут уж совсем мозги вышибает. Начинаешь воображать себя хозяином, наивно полагая, что тяжелый замок, подвешенный на дверце клетки, способен удержать птицу навсегда.

Такое и с ним однажды случилось.

Протянув руку, он переключил приемник на другой канал. Гребенщиков с некоторых пор был для него под запретом. Даже здесь, в салоне машины.

Светофор мигнул желтым глазом, давая понять, что пора бы уже отвлечься от нескончаемых раздумий и тронуться в путь. Кто-то нетерпеливо посигналил сзади. Герман отжал сцепление и надавил на педаль газа. Капли застучали еще отчаяннее, еще быстрее. Ветер летел по встречной, бросал их на лобовое стекло и спешил дальше, не оглядываясь, словно боялся опоздать куда-то.

Часы на панели приборов показывали семь минут шестого. При благоприятном раскладе событий – в смысле полного отсутствия пробок – он прибудет к офису минут через семь-восемь. Как это ни удивительно, в тот вечер пробок на дорогах не было вообще. В первый раз за последние полгода на его памяти такое случалось. Дорога из Ленинского района в центр всегда была перегруженной. Еще совсем недавно она вообще была единственной. Несколько месяцев назад открыли вторую, объездную дорогу, но положение дел это не спасло. После работы в пробках регулярно приходилось торчать минут по сорок, а то и больше часа. Он уже привык и относился к этому спокойно. Ведь дома, кроме кота Степана, его никогда никто не ждал. Но Степан всегда относился к длительному отсутствию хозяина философски и недовольства не обнаруживал. А Герман, пользуясь либеральностью кота, никогда не стремился любой ценой вырваться из пробки. Спокойно сидел в машине и слушал музыку.

Проезжая очередной перекресток, он уже протянул руку, чтобы включить поворотник, и вдруг со внезапной отчетливостью осознал, что ему не нужно поворачивать. Не нужно ехать, как обычно, домой. Привычный сценарий – поздний ужин на холостяцкой кухне в компании кота Степана, который повторялся в течение почти десяти лет за редким исключением тех дней, когда Герман был в командировке, на этот раз изменился самым кардинальным образом. Сегодня ему предстоит провести вечер в обществе женщины. Красивой женщины с грустными глазами. Впервые за десять лет монашеского одиночества и вечной скорби.

Даже не верилось в это. И непонятно вообще было, как могло с ним произойти такое. Эта нескончаемая грусть в ее глазах притягивала к себе, как магнит. Только он ведь знал, заранее знал, что ничего хорошего из этого не получится. Когда людей притягивает друг к другу только грусть, вряд ли они вдвоем смогут спастись от нее. Скорее, только приумножат, удвоят эту грусть, а не разделят ее пополам.

Хотя, всякое ведь в жизни бывает.

Что-то изменилось в нем после этой московской поездки. Даже не после самой поездки, а после встречи в поезде. Встречи с тем мальчишкой, имени которого он таки не узнал. Хотя он и сам боялся себе в этом признаться. Слишком нелепыми, слишком детскими были эти мысли. Отчаянно детскими.

Когда умерла бабушка, к которой Герман был привязан, так, как ни к кому на свете, мать пыталась его успокоить. Много и долго говорила о том, что душа человека бессмертна, что на самом деле бабушка и не умерла вовсе, а просто ушла из этого мира. И там, в этом другом мире, ей живется хорошо, спокойно и счастливо, а от жизни в этом мире она просто устала. Рано или поздно, сказала тогда мать, любой человек устает жить в этом мире, и тогда он «переселяется».

Но сына такое объяснение не устраивало. Семилетний ребенок почему-то очень быстро сумел найти слабое звено в цепочке рассуждений, на первый взгляд вполне логичных. Он сказал, что такого просто не может быть. Потому что как бы бабушка не устала, она все равно никогда не оставила бы Германа одного на этой земле и не сбежала бы от него ни в какой другой мир. Никогда и ни за что в жизни, он точно это знает. А значит, бабушка на самом деле умерла.

И тогда мать, не выдержав этого напора, сдалась. Она призналась в том, что бабушка на самом деле умерла, и добавила: «Но в этот же день, где-то, в каком-то уголке земли, она родилась снова. Человек не умирает навсегда. Жизнь не обрывается, она не имеет начала и не имеет конца. Поверь мне, сынок. И ты, и я, и все люди на этой земле, и даже животные – все мы уже жили, много раз жили и умирали, чтобы снова родиться. Таков закон...»

Сын в ответ промолчал. Он изо всех сил пытался представить себе, как происходит этот процесс. Каким образом его старенькая бабушка, которую он помнил уже полностью седой с лицом, покрытым глубокими морщинами, внезапно превращается в младенца.

Ничего у него тогда не получилось. Но мать, а вскоре и все окружающие заметили, как пристально мальчишка вглядывается в лица карапузов, сидящих в колясках.

Впрочем, уже через год он повзрослел настолько, что смог даже сам над собой посмеяться. Улыбка получилась грустной, потерянной какой-то, но с тех пор румяные карапузы в колясках интересовали его перестали. Он как-то смирился с мыслью о том, что если человек уходит, то уходит он навсегда. И даже, схлопотав от отца несколько крепких затрещин за двойки по поведению, решил – и правда, от жизни в этом мире очень даже можно устать. И захотеть «переселиться»...

Правда, мыслей своих вслух не высказывал. История про переселение душ вскоре совсем забылась, и уж никак не мог он ожидать от себя такого, что спустя двадцать с лишним лет она вдруг вспомнится снова, и снова ему так отчаянно захочется поверить в это переселение. Допустить возможность того, что Пашка не умер, а просто «переселился». Что он родился в тот же день заново и живет себе дальше на свете, как ни в чем ни бывало. И папа, и мама теперь есть у него. Нет больше детского дома, нет ужасных воспитателей. Никто и никогда не оставит его без присмотра, не позволит залезть на подоконник, не даст упасть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.